

НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИЙ.

Две недели тому назад мы отмечали 25-летие первой социально-революционной демонстрации в России 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге и указывали на громадный подъем демонстрационного движения в начале истекающего года. Мы говорили, что демонстранты должны выставить более определенный политический лозунг, чем «Земля и Воля» (1876 г.), — более широкое требование, чем «отмена Временных Правил» (1901 г.). Таким лозунгом должна быть политическая свобода, таким общенародным требованием должно быть требование созыва народных представителей.

И вот мы видим уже, что демонстрации возобновляются по самым различным поводам и в Нижнем, и в Москве, и в Харькове. Возбуждение повсюду растет, и необходимость объединить его в один поток против самодержавия, сеющего везде произвол, угнетение и насилие, становится все настоятельнее. В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7 ноября была вызвана проводами Максима Горького. Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло — как справедливо выразился оратор нижегородской демонстрации — в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города. — Башибузуки обвиняют его в дурном влиянии на нас, — говорил оратор от имени всех русских людей, в ком есть хоть капля стремления к свету и свободе, — а мы заявляем, что это было хорошее влияние. Опричники бесчинствуют тайно, а мы сделаем их бесчинства публичными и открытыми. У нас бьют рабочих, отстаивающих свои права на лучшую жизнь, у нас бьют студентов, протестующих против произвола, у нас давят всякое честное и смелое слово! — Демонстрация, в которой участвовали и рабочие, закончилась торжественной декламацией студента: «Падет произвол, и восстанет народ, могучий, свободный и сильный!»

В Москве Горького ждали на вокзале сотни учащихся, и перепуганная полиция арестовала его среди пути в вагоне, запретила ему (несмотря на особо данное прежде разрешение) въезд в Москву и заставила прямо проехать с Нижегородской дороги на Курскую. Демонстрация по поводу высылки Горького не удалась, но 18 числа произошла, без всякой подготовки, небольшая демонстрация студентов и «посторонних лиц» (как выражаются наши министры) перед домом генерал-губернатора по поводу запрещения вечера в память Н. А. Добролюбова, со дня смерти которого минуло 17 ноября 40 лет. Представитель самодержавной власти в Москве был освистан людьми, которым, как и всей образован-

ной и мыслящей России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства. Исполнительный Комитет московских студенческих организаций справедливо указывал в своем бюллетене от 23 ноября, что эта неподготовленная демонстрация служит ясным показателем недовольства и протеста.

В Харькове демонстрация, вызванная студенческими делами, перешла уже в настоящую уличную свалку, в которой приняли участие и не одни студенты. Опыт прошлого года не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и, главным образом, поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за свободу всего народа, за политическую свободу. Харьковский Союзный Совет студенческих организаций прямо выразил это уже в своей октябрьской прокламации. Да и студенты Петербурга, Москвы, Киева, Риги и Одессы, как видно из их листовок и прокламаций, начали понимать всю «бессмысленность мечтаний» об академической свободе при беспросветном рабстве народа. Гнусная речь ген. Ванновского в Москве, опровергавшего «слухи», будто он что-то когда-то обещал; невиданная наглость сыщика в Петербурге (схватившего студента в электротехническом институте, чтобы отнять у него полученное им через посыльного письмо); дикое избиение полицией ярославских студентов на улице и в участке, — все эти и тысячи других фактов вопияли о борьбе, борьбе и борьбе против всего самодержавного строя. Чашу терпения переполнил случай с харьковскими ветеринарами. Студенты 1-го курса подали петицию об удалении проф. Лагермарка, жалуюсь на казенное отношение к делу, на невыносимую грубость, доходившую до бросания программы в лицо студентам! Правительство, не разобрав дела, ответило тем, что выбросило из института весь курс, да еще оболгало студентов в своем сообщении, заявив, будто они требуют себе права назначать профессоров. Тогда поднялось все харьковское студенчество, было постановлено устроить забастовку и демонстрацию. 28 нояб. — 2 дек. Харьков второй раз в этом году превратился в поле сражения «внутренних турок» с протестовавшим против самодержавного произвола народом. Клики: «долой самодержавие! да здравствует свобода!», — с одной стороны. Удары шашками, битье нагайками, топтанье народа лошадьми — с другой стороны. Полиция и казаки, нещадно избивавшие всех и каждого, не разбирая ни пола, ни возраста, одержали победу над безоружными и торжествуют...

Неужели мы дадим им торжествовать?

Рабочие! Вам слишком хорошо знакома та вражья сила, которая измывает над русским народом. Эта вражья сила связывает вас по рукам и ногам в вашей ежедневной борьбе с хозяевами за лучшую жизнь и за человеческое достоинство. Эта вражья сила выхватывает сотни и тысячи ваших лучших товарищей, бросая их в тюрьмы, отправляя в ссылку и, точно в издевку, объявляя еще их «лицами порочного поведения». Эта вражья сила 7 мая стреляла в обуховских рабочих в Петербурге, поднявшихся с кликом: «нам нужна свобода!»,—а потом еще устроила комедию суда, чтобы закатать на каторгу тех героев, которых не уложила пуля. Эта вражья сила, избивающая сегодня студентов, завтра бросится с еще большим озверением избивать вас, рабочих. Не теряйте времени! Помните, что вы должны поддерживать всякий протест и борьбу против башибузуков самодержавного правительства! Старайтесь всеми средствами войти в соглашение с демонстрантами-студентами, устраивайте кружки для быстрой передачи сведений и распространения воззваний; разъясняйте всем и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу всего народа.

Когда здесь и там начинают вспыхивать огоньки народного возмущения и открытой борьбы,—всего прежде и всего более нужен сильный приток свежего воздуха, чтобы эти огоньки могли разгореться в широкое пламя!

[Л. Мартов]

ПРАЗДНОВАНИЕ 25-ЛЕТИЯ ДЕМОНСТРАЦИИ НА КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА.

В прошлом номере «Искры» уже сообщено было, что в этом месяце минуло 25 лет со времени первой большой манифестации, состоявшейся 6 (19) декабря 1876 г. в Спб. на Казанской площади. С этим событием совпало и 25-летие выступления на широкую политическую арену нашего товарища и учителя — Георгия Валентиновича Плеханова. По инициативе групп, сочувствующих «Лиге революционной русской социал-демократии», в некоторых университетских городах Швейцарии эта двойная годовщина была отпразднована собраниями. Расскажем вкратце о женевском празднике, на котором присутствовал и сам Г. В. Плеханов.

Первая половина вечера, на который собралось около двухсот человек, была посвящена почти исключительно воспоминаниям о демонстрации 6 (19) декабря 1876 г. и лицам, пострадавшим за участие в ней. Председатель Д. Кольцов, открыв собрание краткой речью о цели вечера, закончил его предложением почтить память всех участников казанской демонстрации общим вставанием. Когда присутствовавшие последовали этому предложению, хор запел: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Затем членами «Лиги русской революц. социал-демократии» был прочитан довольно обстоятельный реферат о демонстрации, имевшей место на Казанской площади 25 лет тому назад. Предположив краткий очерк пропагандистского движения начала 70-х годов, референт изложил потом причины, вызвавшие эту демонстрацию, и упомянул о последовавших за нею наиболее крупных революционных фактах, вплоть до событий, происшедших весной настоящего года; в заключение он указал на разницу в характере первой демонстрации и последней, состоявшейся спустя 25 лет на той же площади.

Реферат сменило пение разных революционных песен. После непродолжительного перерыва на пианино был сыгран грустный мотив в память борцов «Народной Воли». Затем последовали речи, главным образом, посвященные

роли Г. В. Плеханова как в демонстрации 6 декабря 1876 г., так и в последующих событиях русского революционного движения, вплоть до наших дней. Горячо, с большим чувством и искренностью говорили два представителя местной учащейся молодежи, а также болгарский студент и один армянский социал-демократ. Все эти лица довольно подробно останавливались на указании того огромного значения, какое Г. Плеханов имел и продолжает теперь иметь на развитие соц.-демократических идей и революционного рабочего движения не только в России, но и в других западно-европейских странах. В этом отношении особый интерес представила речь молодого болгарина, говорившего от имени болгарского кружка. Он довольно подробно рассказал собравшимся о том громадном значении, какое имели сочинения Г. Плеханова на умственное развитие передовой интеллигенции его родины, и в этом отношении он сравнил роль Плеханова с ролью наиболее выдающихся деятелей Болгарии.

Речи всех ораторов публика покрывала долго несмолкавшими аплодисментами, а также они часто прерывались ими, особенно в тех местах, где говорившие касались значения и заслуг Г. В. в революционном движении. Чем дальше раздавались поздравления и приветствия Г. В., тем более и более воодушевлялась заметно публика. Видно было, что собравшиеся, отбросив разные мелкие счесть, искренно ценят плодотворную деятельность Г. В., признают в нем одного из самых преданных и непоколебимых борцов за торжество социализма не только в России, но и во всем цивилизованном мире.

По окончании речи болгарина, говорившего последним, раздался голоса, просившие, чтобы Г. В. Плеханов взял слово. Бурными аплодисментами собрание встретило его согласие. В течение нескольких минут он из-за этих приветствий не мог начать. Когда же он заговорил, то в громадной зале воцарилась полнейшая тишина. Произнесенную им речь мы, за отсутствием места, передадим лишь в немногих словах.

Упомянув вначале, что до этого вечера ему приходилось на собраниях слышать одни лишь нападки, и поблагодарив говоривших и публику за выраженные чувства и отношения к нему теперь, Г. В. заметил, что сделанная здесь оценка его личности преувеличена, так как он действовал не один, а совместно с другими. Затем он перешел на общую почву и подробно рассмотрел причины, вызывающие в последнее время разногласия в среде социал-демократов, не только действующих в России, но и в разных странах Западной Европы. Главную причину этих разногласий Г. В. видит в чрезвычайно быстром росте социал-демократической партии, привлекающем в ее ряды разные оппозиционные и радикальные элементы. Теоретическими выразителями этих элементов и являются разные «критики» и «исправители» Маркса. В действительности же они доказывают, что не в теории научного социализма наступил кризис, а лишь то, что разного рода оппортунистам чуждо понимание марксизма. Сделанный им, в заключение, энергичный призыв к соединению «науки с рабочими» был покрыт громом долго несмолкавших рукоплесканий.

Затем председатель прочел некоторые из полученных по почте и телеграфу из разных городов Зап. Европы поздравлений и приветствий, а затем прочитан был от группы сочувствующих адрес, который вместе с портфелем и был поднесен Г. В. на память. В заключение хор спел несколько революционных песен и, когда в час ночи председатель закрыл собрание, молодежь, подняв Г. В., вынесла его на руках.

Полученная под конец вечера телеграмма из Берна передавала приветствия и поздравления Г. В. от собрания, на котором присутствовало 300 человек. Присутствовавшие на этом собрании старожилы русской колонии утверждают, что они не запомнят такого дружного и веселого собрания. Аналогичным образом прошло чествование 25-летней деятельности Г. В. в Париже; в Цюрихе же в чествовании приняли участие только русские социал-демократы.

Все вышеизложенное заставляет нас думать, что для значительного контингента русских уже наступило время беспристрастной оценки роли наиболее выдающегося представителя русского революционного соц.-демократизма. Мы

надеемся поэтому, что не далек уж и тот момент, когда признание громадных неоценимых заслуг нашего товарища Г. В. Плеханова, в русском революционном движении, независимо от личных счетов и партийных соображений, станет столь же всеобщим и единодушным в передовой части нашего общества, каким оно уже теперь сделалось среди всех искренних сторонников рабочего класса в России и в западно-европейских странах ¹.

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Нижний-Новгород. Демонстрация по поводу высылки Максима Горького. 7 ноября вечером уезжал из Нижнего на Москву Максим Горький, высылаемый полицией. «В виду вредного его влияния на общество» (официальная мотивировка) ему приказано было выехать в Арзамас, маленький уездный городок, но он, как человек, страдающий туберкулезом, просил разрешить ему поселиться в Ялте. Вместо Ялты ему позволили поселиться в какой-нибудь деревне в Крыму. 7 ноября в городе была выпущена гектографированная прокламация за подписью «защитники народа против его угнетателей», которая начиналась словами: «Мы собрались здесь проводить знаменитого, любимого писателя М. Горького и выразить наше крайнее негодование по поводу того, что его высылают из родного города». «У нас быют нагайками студентов, — говорилось, между прочим, в прокламации, — которые заступаются за простой народ, быют рабочих, которые хотят улучшить свое положение. У нас преследуют писателей, которые говорят правду и обличают начальство. Мы хотим и будем бороться против таких порядков!»... Прокламация была распространена в большом количестве по всем учебным заведениям города и во время проводов разбрасывалась на вокзале.

«Провожать Горького, — пишет один очевидец, — на вокзал явились, главным образом, студенты, реалисты (преобладали), один гимназист (я видел одного), один институтец (мальчуган), семинаристы, довольно много земской интеллигенции; по обыкновению, не обошлось без случайной, серой глазющей публики, которая, впрочем, всегда бывает безучастна к тому, при чем присутствует, как и в этот раз. Представителей солидной, патентованной интеллигенции было совсем мало (раз-два и обчелся). Эта „интеллигенция“ чувствовала Горького по-своему — за печкой, с тостами, речами и закуской. Само собою разумеется, в качестве непереманных, почетных провожатых присутствовали жандармы, в большем против обыкновения числе, сразу бросавшемся в глаза. Кучку участников проводов, т. е. тех, что стояли плотной группой, можно определить числом не меньше 60 человек. (Наш нижегородский корреспондент определяет число провожатых приблизительно в 150 человек. Ред.). Нужно заметить, что проводам не благоприятствовала погода — страшно бурная: на Оке ветер (вокзал через Оку), снежный с вихрем, ржал и резал; итти было трудно, никакой переправы еще не было: Ока не совсем стала.

«Я пришел на вокзал часов около пяти вечера. Горький шел в вагон, за ним плотная толпа с песнями и напутствиями. До отхода поезда осталось не меньше полчаса. Провожавшие пели песни: „Отречемся от старого мира“, „Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою“, „Дубинушку“, „Депутатам от сословий“, „Вы жертвою пали борьбы роковой“, „Назови мне такую обитель“, „Из страны, страны далекой“ и др. Слышались возгласы: „Да здравствует М. Горький! Да здравствует свободное слово! Да погибнет деспотизм! Проклятие темным силам!“ и многое другое в этом роде. Каждый возглас покрывался дружным „ура!“. Горький многократно раскланивался, просто и сердечно прощаясь с молодежью. Публика увлеклась, стараясь пением и криками подчеркнуть то, что ее привело на вокзал в этот бурный, непогодный вечер.

«Довольно, господа! — говорил Горький, — прошу не петь... Я совершенно не ожидал... я крайне растроган...

Но меня беспокоит: вы все-таки рискуете...“ — „Мы вас любим! Да здравствует хороший человек, известный писатель М. Горький!“ Горький со многими целуется. Он то уходит в вагон, то выходит, прощаясь, приветствуемый бурными криками. Публика машет фуражками и шапками. „До свиданья, господа!“ — „До свиданья! Вы вернетесь!... Он вернется на заре новой жизни...“ „NN, пожмите от меня руки вашим товарищам студентам!“ Восторженные крики: „Да здравствует!“... пение.

«Простолюдин, лет 45, все время принимавший живое участие, его самого занимавшее, кричит: „Мы, слава богу, считаем вас хорошим человеком!“ Публика радостно смеется.

«Одна еврейка начинает говорить речь: „Алексей Максимович. Примите привет от еврейского общества, к которому вы всегда так хорошо относились“... Конец не слышен. Последний свисток. Гул прощаний, и публика, затаив песню: „Вы жертвою пали борьбы роковой“, трогается за поездом».

«Вокзальная жандармерия, — сообщают нам из другого источника, — не ожидавшая ничего подобного, не знала что делать. Городская полиция на запрос, обращенный к ней жандармами, отвечала: „не наше дело“. Проводив Горького, толпа беспрепятственно вышла с вокзала и направились к городу, а вокзальная жандармерия принуждена была лишь озлобленно созерцать спины уходящих. Ей ничего не оставалось, как составлять протокол о произведенных беспорядках!

«Между тем толпа, перейдя Оку, вышла на Большую Псковку (главная улица города) и прошла ее всю с пением тех же песен. В шествии участвовало, — пишет вышеупомянутый очевидец, — до 150—200 чел. Преобладала серая, ремесленная мастеровая публика. Время — восьмой час. Через короткие промежутки в толпе кричали: М. Горький сослан, сослан за правду! Да здравствует М. Горький!“ Крики „ура!“ и пение. Трамваи останавливались, и пассажирам объясняли, в чем дело. Против театра, на площади, возобновились крики из толпы: „М. Горького выслали!“ С паники отчетливый громкий голос: „За что?“ — „За свободное слово! За правду! Да погибнет весь существующий порядок!“ и т. д. В конце Покровки, против здания думы, шествие остановилось. Здесь была сказана бойкая речь, выслушанная при глубокой, торжественной тишине и покрытая неистовыми криками: „Да здравствует М. Горький!“ Свежий молодой голос оратора смело бросал слова, звонко отдававшиеся в этом, богатом резонансом, месте. Оратор обращался к рабочим и мастеровым, которые были в толпе. Он объяснял им, по какому поводу произошла демонстрация. Горький сослан за то же, — говорил оратор, — за что вот уже 40 лет гибнут в тюрьмах, на каторге, в ссылке тысячи лучших людей: за правду, за обличение безобразных условий нашей жизни. У него было одно оружие — перо, одна сила — мысль, высказываемая в свободном слове, — и за это свободное слово он выслан. Те, которые заставили его удалиться отсюда, считают, что Горький оказывал дурное влияние на здешнее общество, на молодое поколение. А мы говорим, что это было хорошее влияние, и нашей демонстрацией мы показываем, как мы любим Горького за его свободное слово. Мы любим и чтим его за тот живой, бодрый, как бы зовущий к свободе дух, которым проникнуты все его произведения. М. Горький выслан без суда, без следствия, тайно ото всех. Но мы сделали публичным, открытым этот произвол, мы приглашаем вас всех: „говорите повсюду, говорите всем и везде, что известный писатель М. Горький сослан, сослан хороший человек. Да здравствует Горький!“ Толпа бурно повторяет этот возглас. Студент громко декламирует: „Падет произвол, и восстанет народ могучий, свободный и сильный!“ Оратор объявляет демонстрацию законченной и предлагает разойтись.

«Рабочий в огромной мохнатой шапке, фигура à la Горький, все время демонстрировавший с другими в первом ряду, обнажает голову, кланяется студентам: „Спасибо, господа, за Горького. Спасибо. В первый раз приходится видеть это...“ Тот же рабочий, при возгласе оратора: „Да здравствует Горький!“ развернул над головами всех свой белый шарф, как знамя.

«Я оставил вокзал в то время, как жандармы оцепили певцов, но потом их выпустили.

«Все время до отхода поезда жандармы относились совершенно безучастно к тому, что происходило на их глазах, а в городе я наблюдал такую высоко комическую картину: при звуках Марсельезы, доносившейся издалека, пристава и околотовные попарно садились на извозчиков — и удирали... По всей Покровке не было ни одной серой шинели. Перед театром, где было представление и всегда бывает много полиции, — в этот момент ни души. Даже и тогда, когда все было кончено и все разошлись, чиновная полиция, как ошалелая, металась по Ильинской, по Лыковой дамбе ближе к базару, лишь бы подальше от тех мест, где так дерзко нарушались общественная тишина и спокойствие».

Полицию за ее невмешательство начальство, конечно, не поблагодарило; кое-кто из приставов посидел под арестом, полицмейстер же вышел в отставку, и, как слышно, отставка связана с демонстрацией. Жандармами теперь поднято дело о демонстрации, и многих из бывших на вокзале вызывали уже на допрос, — впрочем, в качестве свидетелей.

Демонстрация, несмотря на свои скромные размеры, сильно всколыхнула нижегородцев; везде и всюду идут о ней толки, и людей, сочувствующих ей, особенно среди «низов», встретишь чаще, чем осуждающих.

«9 ноября, — сообщают нам из другого источника, — в городском театре, перед началом представления, когда свет был уже потушен, раздался резкий, сильный голос: „Господа, Максим Горький не доехал до Москвы; он был высажен на одной из станций, и где он теперь — неизвестно. В Москве же на вокзале его ожидала двухтысячная толпа!“ Полиция бросилась к говорившему, вспыхнул свет, но было уже поздно: говоривший исчез в толпе.

«На это заявление послышалось из публики от одной из девиц возражение, что это неверно, что она знает, что Горький сам сошел со станции Обираловка*. Через несколько дней эта девица, узнав, что Горький действи-

* На самом же деле было так: на станц. Обираловка Горький вышел сам, желая во что бы то ни стало попасть в Москву, и поехал со следующим поездом, но на Рогожской заставе его встретил жандармский офицер, и до по-

тельно был задержан и что она в своем возражении была неправа, заявила об этом опять во время антракта в театре, за что сейчас же была арестована; продержали ее около недели и выпустили ожидать приговора за произнесение краткой речи с демонстративною целью».

В этих же числах шел водевиль «Золотой телец», и публика, оставшись недовольной его антисемитической тенденцией, в некоторых местах шикала, свистала, кричала: «Стыдно». Эти случаи дали повод местной газете «Волгарь» поместить заметку, в которой редакция возмущалась тем, что театр избран местом демонстраций, и рекомендовала надлежащим властям обратиться на это внимание. Старалась она в этом случае совершенно напрасно, внимания обращено даже чересчур много, теперь на галереях чуть не на каждого посетителя приходится по тайному и явному шпиону, и чтобы от их зорких очей нарушитель порядка как-нибудь не скрылся, верхний ряд свечей люстры во время действия не тушится. Некоторые из нижегородцев, возмущенные тоном этой заметки, выразили в письмах г. Жукову, редактору и издателю газ. «Волгарь», свое неодобрение. Г. Жуков собрал эти письма и снес их в жандармское управление, с целью дать, таким образом, возможность по почеркам определить кое-кого из сочувствующих демонстрации в театре.

* * *

Из Москвы сообщают от 8 ноября:

«Горького выслали из Нижнего административно в Крым. Вчера появились прокламации, что 8-го в 9 час. утра он будет здесь: желающие встретить приглашались на вокзал. В 8 час. утра я отправилась. На платформе стояла толпа учащихся, человек в 400, преобладали студенты, курсисток было мало, большинство педагогички, с Высших было меньше, чем с других курсов. Горькому был приготовлен адрес (под которым тут же подписывались) и портрет Л. Н. Толстого. Вскоре вся толпа двинулась на вторую платформу, так как поезд должен был подойти туда. Заранее просили встретить молча, так чтобы

езда на Севастополь Горький был отправлен в Подольск. От Москвы до Севастополя ему дали в провожатые двух жандармов.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ.

Прошло 40 лет со смерти Добролюбова. В наших легальных газетах о нем печатаются статьи. Всегда верные себе «Московские Ведомости» пытаются ругаться над его памятью, утверждая, что Добролюбов проповедывал, «что лгать, изменять супружескому, сыновнему, гражданскому долгу можно, что это, во всяком случае, лучше и приятнее, чем умирать за верность этому и всякому другому долгу», что он... «вообще разрешал своим последователям на все и на вся». А доказательство: он не признавал в мире ничего абсолютного (в бога не веровал) и был «утилитаристом».

Такой способ уничтожения революционеров давно в обычае. «Моск. Вед.» поленились придумать для этого случая что-нибудь новое. Но Добролюбов был влиятельным и страстным врагом всего того, чему служит эта газета. Почтить его память каким-нибудь, хотя бы самым затасканным ругательством, она была обязана. Большинство же органов нашей легальной печати отнеслось и относится к памяти Добролюбова очень почтительно. Но о самых заветных его убеждениях, о самой сущности его взглядов они говорить не будут. Промолчит — цензуры ради — даже тот, кто помнит, а большинство его поклонников давным давно забыло его

заветы, многие же, вероятно, и никогда их не понимали. Мы напомним здесь читателям только эти революционные, недоступные легальной прессе мысли Добролюбова, которыми через 10, через 15 лет после своей смерти он неизмеримо сильнее влиял на текущую жизнь, чем живые публицисты 70-х годов, ежемесячно печатавшие свои статьи в журналах. Немного страниц занимают эти мысли в полном собрании сочинений Добролюбова. Нужно было счастливое вдохновение, подходящий сюжет, наконец, просто удача, чтобы провести свои революционные мысли сквозь цензурные рога, но эти немногие страницы объясняют и освещают настоящим светом все остальные произведения Добролюбова.

«Современник» неуклонно преследовал злыми сарказмами «бессмысленные мечтания» того времени, относительно водворения всеобщего благополучия путем мирного прогресса при системе «самодурства» (читай: самодержавия). Самодовольный восторг прессы перед дарованной ей «свободой» обличать тех мелких ворюшек, которых городской уже взял за шиворот, и критиковать те учреждения, которые в правительственных канцеляриях обречены на слом, возбуждал в Добролюбове величайшее отвращение, и он не устал осмеивать и освистывать его на все лады. Но во имя чего? Благонамеренные поклонники Добролюбова иногда пытаются уверить нас, что, осмеивая громкие фразы и пустую

всем был слышен адрес. Жандармы изредка сновали, но не вмешивались и как-то торжествующе поглядывали; вскоре это объяснилось: пришел поезд — Горького нет, разнесся слух, что его высадили в Рогожской заставе. Все страшно заволновалось, закричали, двинулись в вокзал. Здесь было решено отправить в Рогожскую заставу делегатов для справок, и если окажется, что Горький там, то всей толпой идти туда. Делегаты вернулись: Горького там не было; так как через несколько минут должен притти еще поезд, то все опять двинулись на платформу, но и этот последний поезд снова не привез Горького. Опять заговорили, что его высадили в Рогожской заставе, и после немногих совещаний все двинулось туда; жандармы завершали шествие, но проводили только до выхода с вокзала. Шли тихо, плотной толпой. В Рогожской заставе около вокзала уже стоял целый отряд полицейских и околоточных, а по обе стороны входа в вокзал стояли жандармы. Миновав отряд, все остановились, несколько человек вошли на вокзал, и, так как Горького там не оказалось, то все направились обратно. Затянули было песню, но более благоразумные остановили. На Покровке, когда уже шла кучка чел. в 20, нас остановила г-жа NN. Она рассказала, что ехала вместе с ним и его женой, но его высадили, не довезя до Москвы (станцию она не назвала), что он просил не встречать его, потому что в таком случае его не пустят в Москву...

Москва. Демонстрация по поводу неразрешения вчераша в память Добролюбова (из бюлл. Исп. Ком. объедин. землячества).

18 ноября в Москве случилось происшествие, которое И. К. считает нужным отметить. Толпа чел. до 150 (преимущественно студентов), не знаящих об отмене концерта, назначенного на 18-ое, но не разрешенного полицией, собралась у Романовского зала и отправилась оттуда с песнями по Тверскому бульвару к памятнику Пушкина. Здесь толпа, сильно увеличившаяся в числе благодаря присоединившейся к ней публике, пропела вечную память Добролюбову, сорокалетие со дня смерти которого приходилось на этот день. Отсюда, несмотря на сопротивление полиции, уже в числе 500 чел., двинулись на Тверскую и дошли со студенческими песнями до дома ген.-губернатора (толпа—

как сообщают нам из другого источника — с пением и свистом стояла мин. 20 перед домом ген.-губ. Ред.). Здесь уже разделенная полицией на несколько частей, толпа была оттеснена в Столешников переулок; при этом полиция старалась отделить студентов от остальной публики. Это им удалось, и чел. 50 студентов, оказавшись совершенно отделенными от остальной толпы, дошли до Кузнецкого моста, — как вдруг из пассажа Джамгаровых по команде «наряд вперед!» бросились жандармы и, несмотря на заявления студентов, что они пойдут, не сопротивляясь, куда им будет указано, жандармы стали им наносить побои. Особенно пострадали два студента (техник и университет) — братья Котельниковы; с остальными тоже не стеснялись: арестованные 27 чел. отправлены в участок, где приставом Новиковым был составлен протокол, по которому эти 27 лиц обвинялись: 1) в нарушении общественной тишины и порядка, 2) в сопротивлении приказанию полиции, 3) в подстрекательстве и предводительстве толпой более, чем в 500 чел. Последний пункт обвинения, являясь вымыслом полиции, вместе с тем влечет за собой наибольшее наказание. По удостоверении личности, при чем некоторых с этой целью возили в учебные заведения, арестованные были отпущены. На следующий день они были призваны в участок, где им объявили, что они будут судиться не мировым судьей, а высшей администрацией на основании положения об усиленной охране. По поводу этого факта 19 ноября в техническом училище собралась сходка; на ней постановлено ходатайствовать, чтобы обвиняемые судились мировым судьей, разделить расходы по ведению дела между всеми студентами, и в случае, если ходатайство не будет удовлетворено, не оставлять этого дела без последствий.

Студенческое движение опять начинает принимать боевой характер. Борьба за академическую свободу опять расширяется до открытой, вплоть до уличной схватки, борьбы за политическую свободу. В виду этого ознакомление с ходом развития движения приобретает особую важность.

Начнем с Москвы, где пресловутый генерал Ванновский лично ответил на студенческие требования.

Брожение студентов началось еще раньше приезда Ванновского. Гнусная статья в «Гражданине», бросавшая

болтовню, он проповедывал скромную «положительную работу». Какую? В серьезных критических статьях он всячески подчеркивал полнейшую невозможность при нашей системе не потонуть в грязи, если примешь участие в «положительной работе», и глупую жестокость преследовать в унисон с высшим начальством грубые формы беззакония на низших ступенях той системы, при которой «чем выше, тем самодурство становится наглее внутренне и гибельнее для общего блага, но благообразнее и величавее в своих формах». Высший начальник (в «Доходном месте») «говорит таким достойным тоном, что нужно только благоговеть», тем не менее он-то и есть настоящий самодур, а за ним уже и все другие. В его ведомстве «законов никаких никто не признает, честности никто в толк взять не может», да она и невозможна там, где все зависит от воли начальства и «главную добродетелью признают смирение перед этой волей».

«Где же выход?», спрашивает Добролюбов от имени читателя. «Мы остаемся при неразрешимой дилемме или умереть с голоду, броситься в пруд, сойти с ума — или же убить в себе мысль и волю, потерять всякое нравственное достоинство и сделаться раболепным исполнителем чужой воли, взяточником, мошенником — для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою». — «Печально, правда», соглашается Добролюбов

со своим огорченным читателем, но отказывается утешить его указанием выхода. — «Впрочем, — говорит он, заканчивая ряд статей о «Темном царстве», — те выводы и заключения, которых мы не досказали здесь, должны сами собою притти на мысль читателю».

Должны, конечно... но эти статьи, в которых Добролюбов стремился внушить читателям непримиримую вражду к самодержавию, какие бы «благообразные и величавые» формы оно ни принимало, нередко хвалят как талантливые обличения дореформенных порядков и нравов, от которых остались, правда, следы... В первые годы литературной деятельности Добролюбова в нем можно лишь угадывать революционера. Но в 60-м, предпоследнем, году своей недолгой жизни ему удалось в ярких символах выразить свою веру в близкое народное восстание («Луч света в темном царстве») и написать с недопускающей сомнений ясностью свое революционное завещание подрастающей молодежи образованных классов. В последнем ему помог Тургенев своей повестью «Накануне». Озаглавив статью об этой повести вопросом: «Когда же придет настоящий день?» Добролюбов взял эпиграфом к ней стих Гейне: «Стучи в барабан и не бойся!» Герой Тургенева, Инсаров, болгарин, заговорщик, едущий на родину поднимать восстание против турок. Сочувствовать угнетаемым турками христианам у нас всегда разрешалось. Добролю-

грязью в учащуюся молодежь, вызвала две сходки в октябре (первая — 15 октября, в 1.500 чел., вторая — до 3.000), выразившие презрение кн. Мещерскому. Но студенты чувствовали, что за Мещерским скрывается нечто большее. Была выбрана комиссия из профессоров (Тимирязева, — которого, кстати сказать, восторженно приветствовали студенты по поводу его решения остаться в университете; по рукам ходил проект адреса ему, отдававший должное человеку независимому и убежденному; Умова, Ключевского и др.) и из делегатов от курсов для выработки формы протеста. Но когда приехал Ванновский, попечитель выставил ему это дело либеральной затеей, и министр, вызвав Виноградова, «поговорил с ним нелюбезно» (как выражается автор одного письма). Комиссия прекратила занятия, профессора, участвовавшие в ней, перестали читать лекции «по болезни» (Виноградов, Кирпичников и др.), ходили слухи о выходе их в отставку. Брожение среди студенчества сильно возросло.

А «лукавый царедворец» еще подлил масла в огонь, когда (4 ноября) ответил категорическим отказом на требования, предъявленные ему депутатией студентов (в числе 21 студента, пришедших к Ванновскому в Лоскутную гостиницу). Эти — общестуденческие, как увидим ниже — требования состояли в допущении женщин в университет; в уничтожении ограничения в приеме евреев; в отмене прикрепления к округам; в уничтожении инспекции; в разрешении всяких организаций и т. п. Отказ министра и его наглые заявления о неверности «слухов» (!), будто он весной что-то обещал, возмутили и самых мирных. На совет министра-лакея «успокоиться» депутаты «ответили гробовым молчанием». «Вечером того же дня „состоялось“, — иронически пишет один москвич, — совещание 63 студентов, по 3 чел. от курса, с комиссией профессоров. Было заранее постановлено прямо потребовать от профессоров признания сходки и ее постановлений. Тогда председатель ответил, что министр уже высказался против этого, и делегаты, по полученной от сходки инструкции, немедленно оставили залу. В результате этих бесед получилась прокламация, в которой студенты призывают к более широкой борьбе уже не за академическую свободу, которая несовместима с деспотизмом, а за свободу политическую».

На этом заканчиваются полученные нами сведения. Отметим только, что «Исполнительный Комитет объединен-

ных землячеств и организаций» начал издание бюллетеней.

В Петербурге ряд сходок тоже протестовал еще в октябре против «Гражданина». 8 ноября в электротехническом институте произошел небывалый факт: сыщик хотел отнять у студента полученное им через посыльного письмо и уже потащил было его вместе с дворником за руку!! Студенты едва не избили негодяя «агента», которого с трудом вырвали у них и, хотя директор и уверял, что Клейгельс обещал «взыскать» с сыщика, но студенты настоятельно продолжали требовать отставки инспектора (сходка 13 ноября). Того же числа были сходки в университете (668 чел. — требуют свободы слова, личности и организаций). Протестуют против политики Ванновского, в лесном институте и в технологическом. Союзный Совет Спб. университета сообщает, что петербургское студенчество ждет общего движения и готово примкнуть к нему. Добавим, что в Спб. ходил слух, будто Сипягин нарочно распространял слух о смерти Л. Н. Толстого, ища повода для репрессалий над протестующими студентами! В Гос Совете будто бы «троица»: Победоносцев, Сипягин и Витте — решительно восстали против университетской реформы.

В Киеве студенчество сразу проявило более политической сознательности. Уже 11 окт. сходка в 900—1000 чел. протестует против политики Ванновского, так явно водившего всех за нос, и повторяет главные из общестуденческих (см. выше) требований (ср. № 10 «Искры»). «Сходка вполне определенно выяснила связь академической жизни с жизнью политической... установила необходимость политической борьбы», — заявлял Киевский Союзный Совет в листке от 12 октября. «Студенчество не попало на удочку правительства!» — повторил он в сильно написанной прокламации 15 октября. «Нашему самодержавию нужны дипломированные холопы, а не мыслящие граждане... Мы не боролось до сих пор с самодержавием непосредственно... и он энергично призывает студентов к такой борьбе. «Студенчество должно быть готово к такой борьбе... Организуйтесь же, товарищи!».

Многолюдная сходка политехников 24 октября указывает (листочки организационного комитета) на всю лживость «испытанной системы» самодержавия и служащих ему «реформаторов» и повторяет общестуденческие требования. «Наши академические требования могут быть удо-

бов к тому же заранее подчеркнул все обстоятельства, отличающие нас от болгар. Они — завоеванный народ, а мы, наоборот, еще других завоевываем. У болгар отнимают церкви, а у нас не только не отнимают, а еще поощряют ревность к обличению заблудших. В Болгарии у всех одна цель, одно желание — освобождение. «Такой монотонности нет в русской жизни... при существующем у нас благоустройстве общественном, каждому остается только упрочивать собственное благосостояние, для чего вовсе не нужно соединяться с целой нацией в одной общей идее, как это происходит в Болгарии». Наконец, русский Инсаров оказался бы просто-напросто бунтовщиком, «представителем противообщественного элемента», знакомого публике по исследованиям г. Соловьева. От такого героя с ужасом убежит всякая благовоспитанная барышня, а в Инсарова влюбилась Елена. Показавши, таким образом, невозможность русского Инсарова, Добролюбов тем с большим жаром проповедует его необходимость.

Инсаров страстно желает освободить свою родину: в этом цель его жизни. Он не думает ставить свое личное благо в противоположность с этой целью. Напротив, он потому-то и стремится к свободе родины, что в этом видит свое счастье. У него, говорит Елена в своем дневнике, «оттого так ясно на душе, что он весь отдался своему делу, своей мечте. Кто отдался

весь... весь... весь... тому горя мало, тот уже ни за что не отвечает».

Есть и среди русских отважные люди, энергические натуры, способные выступать на защиту угнетенных, но они растрачивают силы на борьбу с частными, мелкими проявлениями зла, не думая о его источнике. «Нам рассказывали, — говорит Добролюбов, — об одном подобном герое». Он еще в гимназии проявлял склонность обличать неправду. Кончивши медицинский факультет, он был назначен в госпиталь, но не смог спокойно прописывать лекарств, видя, что больные не доедают и не допивают, благодаря экономии тех, от кого зависит их продовольствие. Он говорил, уличал, жаловался — его перевели на худшее место. Он и там продолжал упорно отстаивать голодающих по милости начальства, был, наконец, разжалован в фельдшерские помощники и, не выдержав нарочито зверского обращения с ним, застрелился. «Во всех его поступках, — говорит Добролюбов, — нет ничего такого, что бы не составляло прямой обязанности всякого честного человека на его месте; а ему нужно, однако, много героизма, чтобы поступать таким образом, нужна решимость погибнуть за добро. Спрашивается теперь: если уже в нем есть эта решимость, то не лучше ли воспользоваться ею для дела большого, которым бы достигалось что-нибудь существенно-полезное? Но в том-то и беда, что он не сознает надоб-

влетворены лишь путем политической борьбы!» «Студенчество поневоле сталкивается с самодержавием». И Киевский Союзный Совет (листок конца октября) присоединяется к политехникам: «Никакие уверения наших „доброжелательных“ профессоров... не в состоянии сделать студентов пассивными зрителями... Единственно верный путь — путь борьбы, которой до сих пор не могли остановить тюрьмы, штыки, нагайки и которой не остановят и „реформы“ Ванновского. Пусть же голос протеста раздастся все громче и громче, пусть скорее грянет буря!». 1 ноября, по приглашению Союзного Совета, состоялась сходка с участием более 1.000 чел., обнаружившая, по словам листка С. С. от 5 ноября, «несомненный рост политического самосознания русского студенчества» за последнее время. «Между реакционной прессой (Мещерский и К^о) и самодержавием существует самая тесная связь». И резолюция этого внушительного собрания выражает «протест против того политического режима, который, подавляя свободное слово, покровительствует реакционной печати». А 11 ноября, по поводу речи Ванновского в Москве, С. С. восклицает: «Свершилось! Маска сброшена! Г. министр, вы заявляете, что все уволенные возвращены. Сколько бесстыдной и циничной лжи в этих словах!.. Где десятки наших товарищей (имена)?... Они томятся в захолустьях». И С. Сов., заклеив ограничение приема евреев, кончает: «Из сердца России прозвучали слова Ванновского, а эхо, отдавшись в сердцах каждого, пронесется над всей Россией раскатами грома и вихрем надвигающейся грозы!». Мы перейдем сейчас к описанию начала грозы в Харькове, но сначала отметим хотя бы парой слов происшествие 17 ноября. Дипломированные холопы Киевского университета ввели в «храм науки» одного из прихвостней самодержавия, г. Вергуна, который в издаваемом им в Вене на полицейские деньги газете «Славянский Век» агитирует за «объединение всех славян под скипетром российского самодержца». Оглушительные свистки встретили этого гнусного «лектора», и хотя националисты (с директором 5-ой гимназии, г. Петром, во главе) со стульями в руках бросились на протестовавших, все же демонстранты заставили г. Вергуна, не кончив лекции, удалиться и разошлись сами с пением песен: «Смело, друзья!», «Дубинушка» и «Шалыте».

Переходим к Харькову. Недостаток места, к сожалению, не позволяет нам привести полностью превосход-

ное воззвание Харьковского Союзного Совета объединенных землячеств и организаций от 16 октября. С. С. указывает, что только благодаря «активной поддержке со стороны борющегося пролетариата» прошлогоднее движение вынудило уступки у правительства, и заявляет: «Только выведенное из узких рамок борьбы за академическую свободу и поставленное на широкую арену политической борьбы, студенческое движение может рассчитывать на энергическую поддержку со стороны прогрессивного слоя населения; и только тесный союз с этим прогрессивным и революционно-настроенным слоем делает студенчество политической силой»... «Для успеха движения необходимо не только единодушие и организованность, но и поддержка других слоев населения, и прежде всего рабочего класса. Но такую поддержку студенчество будет получать лишь тогда, когда целью борьбы будет для него не только академическая или какая-нибудь иная свобода, а прямо и резко поставленное требование полной политической свободы». И высказываясь против близорукости либералов, осуждая решительно пессимизм и апатию части харьковских студентов, С. С. зовет студенчество «работать рука об руку с другими общественными элементами для завоевания широкой политической свободы». Вскоре после того, на праздновании юбилея ветеринарного института читалась прокламация, указывавшая на невозможность процветания науки при существующем полицейском строе, и пелись революционные песни. «В воздухе вольней, чем раньше», замечает сообщающий это харьковец. «По всей вероятности, в истории студенческих движений 1902 г. займет свое место».

Отметим, что правительство употребляло в Харькове свое испытанное средство разделить студентов, натравляя одну народность на другую, поддерживая компанию студентов-антисемитов (!!) и т. п. Но ни происки этой шайки пззорных прихвостней реакции, ни стремление националистов-евреев отшатнуться от всякого движения не могли разрушить преобладающей струи. Сходка 13 ноября в университете (300—400 чел.) «носила вполне политический характер», как пишет один корреспондент, и повторила общественнические требования, в том числе и требование отмены процентов для евреев.

15 ноября, как известно уже и из правительственного сообщения, студенты первого курса ветеринарного института подали петицию об отставке проф. Лагермарка. Они

ности и возможности такого дела... не хочет видеть круговой поруки во всем, что делается перед его глазами»... Русские герои ограничиваются мизерными частностями, «тогда как Инсаров, напротив, частное всегда подчиняет общему, в уверенности, что и то не уйдет».

Героев, как этот доктор, немного, ими являются в России лишь люди, не размышляющие. В нашем образованном обществе многочисленнее другой разряд людей, дошедших, путем долгих размышлений, до той же ясности идеи, как и Инсаров. Они не пойдут на службу. Что им там делать? «Починивать кое-что, отрезывать и отбрасывать понемногу разные дрязги общественного устройства? Да не противно ли у мертвого зубы вырывать и к чему это поведет?»

«Эти люди понимают, где корень зла, знают, что надо делать, чтобы зло прекратить; они глубоко и искренно проникнуты мыслью, до которой добились наконец. Но в них нет силы для практической деятельности».

В других статьях того же 60-го года Добролюбов сурово относится к этим знающим и недействующим людям. Он отказывается признать их знания, их убеждение истинными. Истинное убеждение, говорит он в статье «Благонамеренность и деятельность», «когда оно относится к области практической, непременно выразится в действии и не перестанет тревожить человека,

пока не будет удовлетворено. Это своего рода жажда, незаглушимая, неотлагаемая. Когда я мучусь жаждой в безводной равнине и вдруг вижу ручеек, то я брошусь к нему, несмотря на то, что он окружен колючими кустами, из которых выглядывают змеи. Самое худое, что я могу потерпеть в этих кустах, — это смерть; но ведь я все равно умру же от жажды, стало-быть, я ничем не риску»...

Но в статье по поводу «Накануне» он допускает искренность убеждений этих «лишних» людей, которым «рвать у мертвого зубы противно», а на революционную инициативу не хватает решимости. Берсенев (лучший из русских, выведенных в «Накануне») готов отказаться от личного счастья в пользу родины, свободы, справедливости, но он смотрит на это, как на долг, и противопоставляет этот долг своему счастью. Он похож, по мнению Добролюбова, на великодушную девушку, которая решается для спасения отца на брак без любви. Она будет рада, если что-нибудь помешает браку. Инсаров, напротив, дня своей деятельности «ждет страстно и нетерпеливо, как влюбленный юноша ждет дня свадьбы с любимой девушкой». Поэтому именно Берсенев «может многое перенести, многим пожертвовать, вообще выказать благородное поведение, когда приведет к тому случай; но он не сумеет и не посмеет определить себя на широкую и смелую деятельность, на вольную борьбу,

нисколько не требовали себе права назначать профессоров — как старалось представить дело лживое правительственное сообщение, убогаясь привести целиком студенческую петицию, — они говорили прямо, что только «невыносимое» положение вынудило их к протесту, жаловались на «мертвую рутину и казенное отношение к науке», в связи с грубостью профессора, доходящей до грубых окриков и бросания программ в лицо студенту (!), и требовали его удаления (см. текст петиции, изданной 25 ноября в виде гектографированного листка Союзным Советом по просьбе студ. ветеринаров). Правительство ответило на это лживым сообщением и, без всякого расследования, выбросило из института весь первый курс! В ответ на это новое насилие были устроены сходки (в университете около 200 чел., в техн. инст. — 400). Постановлено было прибегнуть к забастовке с обструкцией и поддержать личную демонстрацию студентов-ветеринаров. Но предоставим слово очевидцам.

«У нас здесь такое возбужденное состояние, что невозможно было взяться за перо. Вот уже четвертый день, как живем на улице, ибо она имеет очень оригинальный вид. 23 ноября во всех учебных заведениях были сходки, где была решена обструкция. Студенты университета, выйдя со сходки в количестве около 70 чел., двинулись по Сумской к вет. инст. с целью встретиться с ветеринарами, которые тоже после сходки должны были идти по улице. Когда универсанты проходили мимо театра, то совершенно незаметно их оцепили казаки, появившиеся из переулка; тут же произошло соединение с ветеринарами (вместе их было ок. ста чел.). Всю эту компанию казаки потащили в бурсацкую часть во двор, куда явился губернатор и сказал, что последний раз избавляет их от казаков, на что студенты закричали: „а, так это вы на нас казаков посылаете!“ и начали свистать. Губернатор уехал, студентов отпустили. Около части их ожидала толпа товарищей. Затем все разошлось. 29 ноября в 9 ч. утра в вет. инст. была сходка, чел. 30 студентов были в это время в курилке. Вдруг появился директор в сопровождении пристава и указывает по просьбе последнего студентов, которых полиция наметила арестовать (их полиция наметила раньше, но не могла арестовать только потому, что они не ночевали 2—3 ночи дома). Это возмутило студентов, и они решили не отдавать товарищей. Тогда ворвались городовые (чел. 20), оцепили всю компанию и повели в часть, при чем

на улице у института их окружили еще и казаки. После этого толпа студентов чел. в 300 собралась у театра (в 3 часа) с пением „Дубинушки“. Была масса полиции. „Южный Край“ охранял ряд городских (так как накануне студенты опять побили ему окна) и во дворе „Южного Края“ были казаки. Затем студенты разошлись до вечера. В 6 час. веч. Сумская улица носила необыкновенно живой вид. Была масса гуляющих, при чем большинство студенты. В 6½ час. толпа студентов и молодежи собралась на одном углу против театра и затянула „Дубинушку“ (я была в этой толпе). Не успели они пропеть до конца, как раздались крики: „казаки едут!“.

«На студентов количеством не больше 200 чел. выпустили свору казаков не меньше 150 чел. Моментально толпа была оцеплена. Когда я и еще несколько чел. хотели выскочить между лошадьми, то околоточный дернул за рукав и толкнул в середину. Не успели опомниться, как вся эта масса взбешенных казаков взлетела на тротуары с лошадьми и начала хлестать толпу нагайками. Нечего и говорить, что, попав в такое безвыходное положение, публика только и думала, как бы спастись, и поэтому бежала, как только возможно было (шел мокрый снег и было очень скользко). К счастью, я наткнулась на крыльцо и взобрались на него. Мимо меня неслись студенты, которых настигшие казаки лупили во всю нагайками, а городовые тащили отдельных лиц и толкали к казакам. Меня городской ухватил за руку, сволок с крыльца, не знаю, что было бы дальше, если бы на мой крик не подскочили двое студентов, которые отбили меня у него и поколотили его. Когда я оглянулась, толпы как не бывало, только разбросанные кучки торопились ударить подальше, а толстый самодовольный полисмен с пошлым смехом заметил во всеуслышание: „Ага, храбрецы, разбежались?!“. Затем публика очистила улицу совершенно. Все перекрестки Сумской были заняты солдатами. Николаевская площадь полна казаков. Собравшуюся вслед за этим толпу на Московской улице и прoderжавшуюся четверть часа с пением и криками: „Долой самодержавие“, требованиями „политической свободы“, „8-час. рабочего дня“ и проч., постигла та же участь (избиение нагайками), затем около собора тоже, а народ все-таки не расходился и подвигался все дальше и чуть только где скоплялась кучка и запевала, как казаки налетали и разгоняли. Так. обр., масса улиц была захвачена движением. Только к 12 часам все улеглось.

на самостоятельную роль». Для этого нужны люди, так относящиеся к своему делу, как Инсаров. Но от русского героя для этого требуется больше, чем от болгарина. «Инсаров именно тем и берет, что... притеснители его отечества турки, с которыми он не имеет ничего общего... Русский же герой, являющийся обыкновенно из образованного общества, сам кровно связан с тем, на что должен восставать. Он находится в таком положении, в каком был бы, напр., один из сыновей турецкого аги, вздумавший освободить Болгарию от турок». Этот сын аги должен был бы «отречься уж от всего, что связывало его с турками: и от веры, и от национальности, и от круга родных и друзей, и от житейских выгод своего положения». «Не много легче дается героизм и русскому образованному человеку», и ему необходимо «отречение от целой массы понятий и практических отношений, которыми он связан с общественной средой». Таких людей не было среди современников Добролюбова, но он был убежден, что их выставит подрастающее поколение.

«На развитие каждого отдельного человека имеют влияние не только его частные отношения, но и вся общественная атмосфера, в которой суждено ему жить. Иная развивает героические тенденции, другая — мирные...» Но общественная атмосфера меняется, еще не-

давно она подавляла развитие личностей, подобных Инсарову, но скоро она сама же поможет этому развитию. «В повести Тургенева сказались та смутная тоска по чем-то, та почти бессознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новых людей, которая охватывает теперь все русское общество, и даже не одно только так называемое образованное... «Теперь каждый ждет, каждый надеется, и дети теперь подрастают, напиваясь надеждами и мечтами лучшего будущего... Когда придет их черед приняться за дело, они уже внесут в него ту энергию, последовательность и гармонию сердца и мысли, о которых мы едва могли приобрести теоретическое понятие» (соч. Добролюбова, изд. пятое, т. III, стр. 275—299).

Ближайшая задача, которую возлагает Добролюбов на это подрастающее поколение, была помощь народному восстанию, в близость которого он глубоко верил. Народ страдает непосредственно, ему не нужны никакие идеи, никаких рассуждений, чтобы почувствовать невыносимость страдания. Он мог еще терпеть, пока не слышал о возможности удовлетворения своих естественных потребностей, но теперь (т. е. с началом реформы) он уже не удовлетворится кое-какими уступками и облегчениями, он возьмет все. Его инстинктивное восстание будет неодолимо, как разлив реки, встретившей препятствие в своем течении. Добролюбов боялся только, что

30-го к вечеру опять появилась масса народа по обеим сторонам Сумской, при чем заметно было большое количество рабочих, особенно подростков. Казаки ездили взад и вперед, но не к чему было придаться. Только к 10 час., когда в одном месте, на Николаевской площади, собралась порядочная группа и запела, то налетели башибузуки и моментально разогнали. Возбуждение страшное. Масса толков. Есть раненные».

Другой корреспондент замечает:

«Казаки дошли до такого озверения, что топтали толпу лошадьми, били всех; раздавались стоны и душу раздражающие крики. Описываю все эти ужасы, как свидетель. В стенах университета царит страшное возбуждение. Было избивание педелей и стычки с оппозицией, при чем многие студенты падали в обморок, пришлось посылать за докторами и лекарством».

Третий очевидец сообщает:

«29 ноября к 6 час. вечера предложено было являться на Сумскую. Публика стала собираться. Ждали рабочих. У театра толпа студентов начала демонстрацию с пением. Но тут началась катавасия, которая живо напомнила 19 февраля. Началось жестокое избивание. Воздух огласился воплями, стонами и истериками. Хватали и таскали в участок. Били шашками (тупым концом), нагайками, кулаками. Эту толпу избили и разогнали. Появилась масса конных и пеших войск, которые сновали по всем направлениям. В разных местах происходили небольшие демонстрации и избивания. Избивания были на Московской, где особенно пострадали женщины, и на Екатерининской. Везде одна и та же картина. Крики, вопли о помощи. Скоро центральные улицы были заняты войсками и очищены. Город обратился в военный лагерь. Везде отряды конницы и пехоты. Положение грозное. Рабочих было мало, так как, говорят, заводы оцеплены. Волнения длились от 6 до 12 ночи. Настроение страшно возбужденное. Обе стороны озлоблены, остервенились, и, по-видимому, этим не окончится. Кулак и нагайка царят».

Четвертый корреспондент, изложив вышеописанные события, кроме того, сообщает:

«29-го вечером была, также как и на Сумской, энергичная свалка на Жандармской площади между войсками и жел.-дорожными рабочими, которые решили после дневных работ пристать к демонстрантам. Войсками рабочие рассеяны и на Сумскую не допущены».

крестьяне восстанут раньше, чем подрастет поколение, способное притти им на помощь в городах, в центрах. Это опасение он выражает в следующем обращении к революции:

О, подожди еще, желанная, святая!

Помедли приходить в наш боязливый круг!

Теперь на твой призыв ответит тишь немая,

И лучшие друзья не приподнимут рук.

Восстания ждали в то время не одни друзья народа, его боялись и враги. Мы знаем теперь, что эти надежды и опасения оказались напрасными. Крестьяне терпели и терпели, вытерпят, к несчастью, и нынешний год, голодая под бдительным надзором начальства, тщательно охраняющего их от всякой помощи, не прошедшей через казенный карман.

Вера в крестьян обманула Добролюбова. Но его завет и вместе предвидение относительно подрастающего поколения образованного общества оправдалось вполне. Оно выросло революционным и выделило из себя контингент людей, всецело отдавшихся своему делу. Жажда деятельности была в них неизмеримо сильнее личных соображений относительно ядовитости жандармских и полицейских змей, выглядывающих из-за колючих кустов, но та же жажда действовать как можно дольше и успешнее научила их соединяться в нелегальные организации

Приводим также присланные нам выдержки из одного письма постороннего лица (Харьков, 29 ноября):

«29 ноября с 10 час. утра вет. инст. снова был окружен войсками, ред. „Южн. Край“ ограждена 15 городовыми, а во дворе редакции размещен эскадрон казаков. В течение всего дня вся Сумская была занята народом, и к вечеру там собралось 6—7 тысяч. В 6 час. веч. против драматического театра собрался хор студентов и пропел „Дубинушку“. Затем хор перешел на панель Госуд. Банка и был численно увеличен подошедшей публикой. В это время полиция, в лице многих и многих ее представителей, появилась на панели и предложила публике, не участвующей в демонстрации, сойти с панели, добавив, что оставшиеся на панели будут оцеплены войсками и арестованы. Публика начала перебегать с панели Банка к театру и в сквер; вслед за словами полиции выехали со двора „Южн. Край“ казаки и оцепили публику (студентов), оставшуюся на панели, которой еще раз было предложено разделиться на демонстрантов и не демонстрантов и последним выйти за тесную цепь казаков. Вышли за цепь „все до одного“, и казаки остались в дураках, выехав на самую панель, где никого не было. Тогда казаки разбили на три группы: одна погналась за публикой, которая хлынула в Театральный переулок, другая — за публикой, направившейся параллельно к скверу, и третья — за публикой по Сумской к ред. „Южн. Край“. По дороге хлестали плетками, но сравнительно мало, и публика почти не защищалась, а стремилась, главным образом, улепетнуть. Вся эта стычка протекла в каких-нибудь 5—7 минут. Все это сопровождалось ужасающим криком, свистом, визгом, шиканьем и самыми энергичными движениями и суетой как со стороны усмирителей, так и со стороны публики. Затем казаки быстро возвратились в дом Юзефовича, и все на несколько минут разбежались в прилегающие к театру переулки, а затем через 5—10 минут все опять выплыли на Сумскую. В это время прибыли еще два эскадрона казаков, из них эскадрон расположился против театра, эскадрон раз'езжал взад и вперед по Сумской. Когда все успокоилось (через полчаса), пришла пехота и оцепила Сумскую, не разрешая пешеходам направляться к Драматическому театру, а публике, которая была у театра и вниз по Сумской, пехота вместе с казаками начала медленно оттискивать к Николаевской площади и затем вниз на Московскую. Публика, спустившись на Московскую, попыталась было подняться

и тем самым «отречься уже от всего, что их связывало с турками... от круга родных и друзей, от житейских выгод своего положения» и от всяких расчетов когда-либо вернуться в ту среду, где, чтобы жить и действовать, «нужно убить в себе мысль, волю и нравственное достоинство». Они ошиблись в надежде разбудить свою проповедью крестьянские массы и погибли, дорого продав свою жизнь царским змеям, и после их гибели ночь, отделявшая Россию от «настоящего дня», стала еще темней.

Существует мнение, разделяемое не только поклонниками «благообразного» самодержавия, но даже таким сторонником конституции, как автор «России накануне XX столетия», что именно «Современник» виноват в реакции, быстро сменившей мимолетное «благообразие». Своей отрицательной проповедью Чернышевский и Добролюбов раздражали правительство и посеяли семена дальнейших поводов к раздразнению. Выходит, что, если бы не раздражать самодержавное правительство, оно не только не отняло бы дарованных послаблений, а еще, пожалуй, прибавило бы. Странное это мнение. Да, разумеется, не отняло бы, если бы оказалось, что реформы никому не нужны, что послаблениями решительно никто не пользуется. Если бы вся пресса всегда придерживалась направления, охарактеризованного Щедриным в названии газеты: «Чего изволите?», пресса не

до Николаевской площади; ее сначала допустили, а затем опять оттиснули вниз; публика опять попробовала подняться на площадь, благодаря приливу к публике рабочих; ее допустили на самую середину площади, и здесь опять набросились на нее казаки и начали хлестать плетью уже понастоящему, разгоняя публику к собору, Сумской, Московской и прилегающим переулкам. Эта расправа опять сопровождалась криком, гиканьем, воплями и чорт его знает еще чем-то таким ужасным, что заставляло колыхаться грудь до острой физической боли. Арестовано в этот вечер было мало. Я видел только, как удалось полиции увести двух человек: одного студента и одного штатского. Арестов и обысков перед демонстрацией тоже было немного. Этим фактическим изложением я закончу письмо, которое пишу сейчас, как пришел домой с Сумской.

Наконец, еще один корреспондент так передает свои впечатления от 29 ноября:

«К 6 час. было около 5 тысяч. К этому времени кончилась сходка технологов, и они тоже (400 чел.) высыпали на улицу. Толпа тянулась от Астраханской гостиницы до Мироносицкого сквера. В смежных переулках бродили кучки студентов и лихорадочно возбужденных обывателей. Отряд городских растянулся от Астраханской гостиницы до Мироносицкого сквера. Против театра выстроились спешившиеся казаки. Конный отряд их демонстративно (во всю ширину улицы по обоим тротуарам и мостовой) раз'езжал взад и вперед. Вдруг возле Юзефовича собралась кучка студентов и в сопровождении толпы с „Дубинушкой“ бросилась вверх по Сумской. Мгновенно с обеих сторон из дворов выскочили казаки и городовые и без предупреждения с гиком и свистом бросились на толпу. Началась нещадная бойня. Охваченная паникой толпа с криками: „Казаки! Коллеги, нас бьют!“ бросилась вниз. Слышались истерические крики женщин, плач, ругательства, свист, проклятия. В свалке одна барышня бросилась поднимать упавшего к ее ногам студента и вдруг разразилась страшным истерическим криком: „Подлецы, мерзавцы! Бейте их!“ Куча городских набросилась на нее, но толпа оттеснила, и ей удалось скрыться. Студенты с окровавленными лицами бежали врассыпную. Один студент, по слухам, ударил пристава в лицо. Другой вырвал у казака нагайку и хлестнул его. Сейчас же схвачено было человек пять и отведено в полицию. Ужас, охвативший толпу, увеличивался темнотой, гиком наехавших на толпу

конных казаков, свистками полиции и т. д. Пока происходила свалка, на углу Николаевской площади (против женевского магазина) появилась кучка рабочих, человек в 50. Весть об этом мгновенно пробежала по всей толпе. То здесь, то там слышался таинственный шопот: „Рабочие пришли! Рабочие!“. Около 3/4 7-го рабочие и небольшая группка студентов дружно и весело запели „Нагаечку“. После второго куплета песня оборвалась, потому что показались казаки. Начался страшный свист, громкие крики, улюлюканье. Кто-то затынул „Дубинушку“. Толпа подхватила и бросилась с пением и свистками навстречу казакам. Они наскочили в карьер, по тротуарам, смяли толпу и бросились в Николаевский сквер, где столпились студенты и пестрая публика. Топот лошадей, крики бегущей толпы, пронзительный свист, неожиданность нападения конных казаков нагнали панику. Толпа в ужасе рассыпалась по разным направлениям. Студенты прорвали цепь казаков, окружавших сквер, и бросились бежать. С этого момента демонстрация рассыпается по всему городу и превращается в ряд уличных схваток с казаками. На Сумскую вызвана рота солдат, опекившая ее во всю длину, пропускающая только экипажи к театру. Конка не шла. Схватки студентов, рабочих и просто толпы были на Слесарном пер., на Екатеринославской под Университетской Горкой. Казаки набрасывались даже на мирно стоявшие толпы, били, не разбирая. Избито много женщин. Стегали нагайками по головам, били упавших, сбившихся в кучу. В отдельных схватках раздавались крики: „Да здравствует пролетариат, да здравствует 8-часовой рабочий день! Долой самодержавие!“ и т. д. К 12 часам по улицам бродили лишь отдельные кучки. На Николаевской площади выстроились солдаты. На перекрестках конные патрули. На углах улиц городовые и ночные сторожа с обнаженными палашами. Возбуждение охватило весь город. На окраинах, где никого не было, извозчики, обыватели знают о происшедшем. Всюду на улицах, на конках горячие споры и толки.

О дальнейших событиях наш корреспондент пишет:

«Первое декабря прошло спокойно на улице и очень бурно в учебных заведениях. В университете было собрание студентов с профессорами по просьбе первых, при чем студенты говорили пылкие речи, в которых ярко обрисовали весь ужас современного положения и просили профессоров не читать лекций, так как это чтение будет

подвергалась бы периодическим избиениям оппозиционных органов и, чего доброго, даже цензура была бы уничтожена. Если бы как присяжные, так и мировые судьи всегда постановляли приговоры, сообразуясь не со своим внутренним убеждением, а с видами начальства, компетенция суда присяжных не была бы сокращена, а суд присяжных — почти уничтожен. Если бы все наши учебные заведения никогда не выпускали людей другого типа, кроме Молчалинского, они не были бы превращены в какие-то полицейско-исправительные учреждения и т. д. и т. д. Но для такого «единения царя с народом» нужно было бы, чтобы Россия была населена не людьми, а существами какой-то низшей, нигде и никогда не существовавшей породы. Нигде и никогда — так как для мирного существования деспотий чисто азиатского типа нужно совсем другое. Азиатский деспот может учинять частные злодеяния: отнять жену или понравившуюся часть имущества, но от его произвола в общественных делах гарантирует стародавняя рутина застывшей полуварварской цивилизации, неподвижность одинаковых сверху донизу понятий о добре и зле, о дозволенном и недозволенном, занесенных в какое-нибудь «священное писание». Там «единение» действительно существует, и службу начальству, пока оно не знает ничего кроме «Корана», трудно отличить от службы отечеству.

Но в России, которую два века само правительство дергает взад и вперед, где вырабатываемые в канцеляриях реформы и контр-реформы беспрерывно следуют одни за другими, где весь экономический строй страны находится в интенсивном процессе изменения, куда уже два века, спускаясь сверху вниз, проникают все идеи, вырабатываемые европейской цивилизацией, — чтобы в такой стране все подданные сообразовались с волею начальства, — вместо религиозной неподвижности восточной нравственности — необходимо ее полнейшее отсутствие, полнейшее равнодушие к тому, добро или зло повелевает начальство — лишь бы деньги платили.

Чтобы в такой стране никто не «раздражал» правительства, недостаточно, чтобы люди «убивали в себе мысль и волю и нравственное достоинство», — это делается в громадных размерах. Надо, чтобы им убивать-то было нечего.

Многие из волнующихся студентов делают потем «раболопными исполнителями чужой воли для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою». Даже из людей, принимавших участие в «политических преступлениях», иные дослуживаются потом до «степеней известных». Но и этим людям, мысль, воля и нравственность которых не живучи и могут быть убиты отдельно от остальных функций организма, на убийство все же нужно

сопровождаться трупами, ибо возмущение растет с каждым часом; с некоторыми студентами делались истерики, обмороки. Профессора держали себя, в общем, прилично. Забастовка полная во всех учебных заведениях. 2 декабря с утра Сумская улица кишела народом; большинство студенты, публика и небольшое количество городских пролетариев, т. е. ремесленников; изредка были видны и заводские типы. Повсюду — полицейские чины. Вся эта масса народа ходила по Сумской улице взад и вперед по тротуару. Все как будто чего-то ждали, но это ничем не решилось. К 3 час. улица опустела (погода была убийственная, снег растаял от дождя, образовалась гололеда). К вечеру, несмотря на дождь, с 6 час. набралась масса народу. Толпа человек в 200 прошла по Сумской от театра на Московскую улицу с красным знаменем (на котором было написано: 8-часовой рабочий день и политическая свобода) и пением. Не успела она остановиться на Московской улице, как налетели казаки, начали стегать; ошеломленные люди бросились в ближайший переулок, и тут им здорово досталось. Вообще городские и казаки, очевидно, получили право распоряжаться по своему усмотрению, и наглость их доходила до необыкновенных размеров. За их действиями никто не следит. Как только где-нибудь замечают стоящую толпу, сейчас налетают и бьют нагайками, а городские шашками. В 8 часов небольшая толпа перебралась незаметно на Екатеринославскую и прошла свободно со знаменем и пением, с криками: „долой самодержавие!“, „да здравствует политическая свобода!“, привлекая массу народа, затем была разогнана налетевшими казаками. До 10 час. продолжалось движение. С 8 ч. театральная площадь была занята казаками и войском, и по Сумской от Николаевской площади прекращено конное и пешее движение. С понедельника 3-го улицы приняли обыкновенный вид.

«Во всех уличных движениях принимали участие из рабочих только ремесленники, большею частью подростки, а из заводских отдельные лица».

В дополнение к этому приводим еще два описания событий 2 декабря. Один очевидец пишет (Харьков, 4 декабря).

«К вечеру толпа все увеличивалась. Между 5—6 часами Сумская улица была буквально запружена народом, с трудом можно было двигаться. В толпе преобладали сту-

денты и рабочие. Около 7 час. вся масса с пением революционных песен хлынула вниз по Сумской. Развернулось красное знамя. Толпа шла вперед и вперед. Вскоре, почти одновременно, появились войска: пехота, казаки и масса полиции. Началась расправа. Били не только нагайками, пускали в ход шашки и кулаки. Толпа не отступала. У многих в руках были кастеты, гайки, палки, безоружные защищались кулаками. Наконец раздался выстрел. Кто стрелял, до сих пор неизвестно. Но толпа не расходилась и снова, подняв красное знамя, двинулась по Екатеринославской улице. Началось новое страшное избиение. Университет официально закрыт, а с 3 декабря также и технологический и ветеринарный институты».

Другой корреспондент сообщает:

«2 декабря была назначена организационным комитетом студентов технологического института демонстрация на 12 час. дня на Сумской улице. К этому времени на Сумскую стеклось тысяч 12—15 разного звания людей, в этом же числе находилось и много студентов. Настроение было настолько вялое, что о демонстрации не приходилось и думать, и к часу дня был выпущен тем же комитетом плакат, который раздавался здесь же, на улице, что демонстрация откладывается на 6 час. вечера. Публика все время не оставляла Сумской. К 6 часам вечера численность ее значительно увеличилась. Сумская улица, от редакции „Южного Края“, Николаевская площадь и Николаевский сквер, Московская и прилегающие к этим местностям переулки были заполнены народом. Народ этот ничем активно себя не заявлял, на просьбы большого наряда городских — разойтись переходил с одного места на другое. В 7 час. среди публики появились войска во всем вооружении (говорят, что каждый солдат был снабжен 24 боевыми патронами). Войска заняли следующие пункты: во дворе „Южного Края“ эскадрон казаков, против Драматического театра и в переулках эскадрон казаков, по Сумской раз'езжал эскадрон казаков, против Николаевской церкви эскадрон казаков и две роты пехоты, на Московской улице рота пехоты, в Петровском переулке рота пехоты. Помимо этого, везде раз'езжали небольшие отряды казаков. В части города, прилегающей к Конной площади, и около паровозостроительного завода расположился полк драгунов, вызванный к этому дню из гор. Чугуева. До 8 час. стычек с войсками не происходило, а были только „передвижения“ как войск, так и публики; где-нибудь, напри-

ремя, а пока что — будущий сановник «раздражает» правительство.

* *

За последнее время правительство снова подвергается самым усиленным раздражениям. Снова у значительного процента образованной молодежи жажда честной деятельности пересиливает благоразумные соображения об ядовитости и бдительности мундирных змей. Но рядом с вторично поднявшимся слоем образованных разночинцев встает теперь нечто, чего не предвидел Добролюбов. В горячей «атмосфере надежд и ожиданий» вырастает теперь все больший и больший круг рабочей молодежи. Ей не от чего отрезаться. У нее, как у Инсарова, никогда не было ничего общего с нашими внутренними турками. Рабочие непосредственно страдают от произвола в его самой грубой форме, они сами — просыпающаяся часть того «простонародья», на инстинктивное восстание которого рассчитывал Добролюбов. Но в то же время они рвутся к знанию, они вырабатывают в себе те «истинные убеждения», которые толкают к деятельности, несмотря на всех «змей». Их непосредственное возмущение, соединяясь с знанием, может только развиваться все шире и шире.

Свою статью «Когда же придет настоящий день?» Добролюбов заканчивает страстным призывом к револю-

ционному под'ему, к «русскому Инсарову». «Он необходим для нас, без него вся наша жизнь идет как-то не в зачет, а служит только кануном другого дня. Придет же он, наконец, этот день! И во всяком случае канун недалек от следующего за ним дня: всего-то какая-нибудь ночь разделяет их!»

Ночь была страшно длинна. Революционное движение разночинцев, освещавшее ее своими молниями, было только очищавшей воздух ночной грозой, без которой мы задохлись бы в миазмах «темного царства». Лишь теперь наступает рассвет «настоящего дня», но теперь уж — «Стучи в барабан и не бойся!» — ночь не может вернуться.

[В. Засулич]

мер на Московской улице, раздавалось пение, туда усиленно двигались казаки, пехота, а за ними публика. Пение прекращалось, прекращалась демонстрация, и нахлынувшим войскам нечего было делать, и они принимались рассеивать вообще публику. Рота пехоты всходила на панель и теснила публику; публика уходила вперед, обходила пехоту, становилась ей в затылок, в конце-концов теснила пехоту и т. д. и т. д. Получалась какая-то мешанина, которую увеличивали извозчики, конка.

«В 9 час. вечера полиция узнала, что в город движутся на место демонстрации рабочие паровозостроительного завода; навстречу им понеслись казаки, побежала пехота, а вслед за ними и большая часть публики, которая до того находилась на Сумской и Московской. Неприятеля встретились на Харьковском мосту; победителем оказалось христоблюбивое воинство, вооруженное с ног до головы, которое в этот раз пустило в ход нагайки; рабочие были отброшены и рассеяны; победители долго преследовали, действуя плетью; воротившись с места битвы, воинство начало более энергично рассеивать публику; отрезывалась часть толпы сомкнутым строем казаков, энергично оттискивалась в темную улицу и там пускали в ход плети и кулаки; конечно не разбиралось, на кого обрушивались плети, так что в нескольких местах были избиты и изувечены (например, выбит глаз молодой девушке) старики, старухи и малолетние, случайно проходившие в это время по улицам города. Окончательно публика оставила место демонстрации в 11½ час. вечера».

В заключение добавим, что Харьковский Комитет Росс. С.-Д. Раб. Партии выпустил после 29 ноября хорошо написанное воззвание: «Ко всем харьковским рабочим», в котором справедливо говорится: «Борьба студентов давно уже перестала быть делом одних студентов, потому что она сделалась борьбой за политическую свободу... Мы все задыхаемся в тисках безграничного произвола»... Прокламация заканчивается словами: «мы приветствуем борющихся студентов и восклицаем: долей самодержавие! Да здравствует политическая свобода!»

Рига. 24 ноября у нас в институте была неразрешенная сходка в 500 человек. Речи на этой сходке характерно отличались от прошлогодних речей. Говорили, что студентами мы будем только несколько лет, а гражданами целую жизнь. Поэтому для нас важно выставить требования общегражданского характера, как свободу слова, совести, печати, нежели узко-академические требования. Говорили даже о том, что, пожалуй, придется нам силой брать эти права, выйти на улицу и драться. После сходки человек 100 пошли по Суворовской улице мимо жандармского управления, пели «Дубинушку» и «Марсельезу».

Рига. Приводим целиком только что полученную нами прокламацию (оригинал гектографирован и сопровождается текстом на латышском и немецком языках).

«Граждане! Сегодня 7 декабря, в 7½ час. вечера, состоялась демонстрация перед редакцией «Rīgas Rundschau», при чем были выбиты стекла. Демонстрация была вызвана статьей, помещенной в № 268 от 26 ноября 1901 г., в которой рекомендуется правительству неумолимая строгость по отношению к протестующим студентам и указываются известные слова Лютера, сказанные им по поводу крестьянских бунтов (бейте их, как бешеных собак).

«Мы, студенты Рижского политехнического института, заявляем, что, не имея возможности протестовать открыто при существующем гонении на свободное слово, мы принуждены подобным образом отвечать на такого рода выходки реакционной печати».

Ярославль. Приводим присланные нам подробные сведения о возмутительном случае избияния студентов.

20 октября, в 12 часу ночи, из пивной Адамец по Власьевой улице шла небольшая группа студентов, человек 6—7. Из свидетельских показаний, данных у мирового

судьи, выяснилось, что студенты не были пьяны, шли спокойно, не пели, только разговаривали между собой. Дойдя до гостиницы «Европа», они неожиданно подверглись нападению вооруженной толпы человек 15. Эта толпа состояла из 3—4 человек ночных сторожей, 2 трамвайных служителей, вооруженных дубинами, жгутами, нескольких городских с шашками. При приближении студентов из толпы раздалось: «мы им покажем». Студенты были быстро окружены, некоторые сбиты с ног, и на них посыпались бесконечные удары шашками, дубинами, кулаками. Перепуганные студенты зывали о помощи и кричали: «Да за что вы нас бьете? За что бьете?» Разбежаться студенты не могли, так как все выходы с небольшой площади, 4 угла гостиницы «Европа» были предостроительно заняты сторожами с дубинами в руках, которые нападали как на избиваемых студентов, так и на спешивших на помощь. Посторонние лица, проходившие мимо места побоища и желавшие узнать причину происшедшего, подвергались нападениям или угрозам. Это удостоверено показаниями свидетелей у мирового судьи. Во время побоища полицейский надзиратель Домбровский, производивший обход в эту ночь, стоял в нескольких шагах от побоища и, помимо, наслаждался созерцанием этой картины.

Некоторые из пострадавших студентов отравились тотчас же в участок и требовали составления протокола о случившемся, вызова полицеймейстера или губернатора. Но здесь студенты из потерпевших внезапно превратились в обвиняемых. Полиция составила протокол о нарушении тишины и спокойствия и на следующее утро угрозами заставила студентов подписаться под ним. При этом следует заметить, что студент Александровский был так слаб, избит и потрясен всем случившимся, что, по показанию экспертизы, был близок к истерическому припадку и, придя в участок, упал вниз лицом без чувств. Студент Морисов, пострадавший больше всего (так как по освидетельствованию врача у него оказалось переломленное ребро, не говоря уже о многочисленных следах побоев, судя по опухлости и синякам всего туловища, рук, ног; на шее ясные следы удушения), чувствуя боль в боку, стесненное дыхание, был крайне нервно возбужден и, особенно увидев Александровского в таком положении, срывал рубашку, сюртук, инстинктивно освобождая свою грудь, требовая врача (между прочим, срывая сюртук, он нечаянно опрокинул лампу; это полиция, конечно, не преминула поставить в особую вину, как явное безобразное и пьяное буйство студентов). Требование его не только не было удовлетворено, наоборот, вместе с другими студентами, Александровским и Белокрылиным, в обнаженном виде он был препровожден в кутузку. По пути в кутузку студенты подвергались побоям и оскорблениям полицейских: их толкали в бока, в спину, драли за волосы, сдавливали горло, чтобы заглушить крики. На следующий день они были освобождены и освидетельствованы земским врачом Алексинским, который нашел у трех студентов свежие следы тяжких побоев, нанесенных тупым оружием. Последствием их было даже кровохарканье у Морисова, а по свидетельству врача — это человек крепкого сложения. У других сильные ушибы головы, спины, рук и ног. В ту же ночь несколько студентов были избиты в других пунктах города.

Дело разбиралось у мирового судьи в течение четырех дней. Полиция держала себя на суде недостойным образом: подсказывала свидетелям как во время суда, так и во время перерыва, что было замечено многими лицами из публики, а также и защитниками, о чем и было заявлено судье. Судья приговорил студента Белокрылина к 5 дням ареста, а остальных оправдал, действия же полиции признал незаконными, но ему не подсудными. Дело возбуждено у судебного следователя. Для характеристики здешней администрации не лишнее указать на то, что губернатор оказывал сильное давление на судью, чтобы он обвинил студентов. Врач же Алексинский, производивший освидетельствование, впал в немилость, и циркулируют слухи, что он не удержится на месте.

Краткий отчет о судебном разбирательстве был помещен в местной газете «Северный Край», но этот номер не был пропущен цензурой и совсем не появился на свет божий. В следующем номере редакция поместила заявление, что «такой-то номер не вышел по независящим от редак-

ции обстоятельствам». Говорят, что за это редактор получил внушение свыше.

Вызванная этими событиями студенческая сходка 24 октября потребовала у губернатора через директора лицей, чтобы впредь студентов не брали в участок, а в случае каких-нибудь недоразумений требовали студенческий билет или доставляли их в лицей.

По поводу этого избиения была выпущена студентами лицей прокламация.

Вильна. Новый виленский помпадур фон-Валь с первых же дней принялся за искоренение «корней и нитей», заявив в своей речи представлявшимся ему должностным лицам и так называемым «представителям общества», что возникшие со смертью генерал-губернатора Троцкого среди виленских обывателей «мечтания» о смягчении режима — бессмысленны и неосновательны, что правительство не изменило своего взгляда на край, что созданные для него исключительные законы остаются в силе, одним словом, что не может быть и речи об уменьшении «твердости власти». Так говорил г. Валь и сейчас же стал подтверждать свое слово делом. Сюда он приехал 31 октября, как раз в разгар всеобщей стачки кожевников в Сморгони (до 1.300 чел.), главными требованиями выступивших — освобождение арестованных перед тем в Сморгони 31 человека и уменьшение рабочего дня. Фон-Валь, прежде всего, послал туда сотню казаков, потом расклеил объявление, что расправится с рабочими «предоставленными ему для прекращения рабочих беспорядков мерами»; когда это не помогло, объявил, что не вставшие на работу до понедельника 5 ноября будут высланы по этапу. Не помогло и это. Тогда началась высылка, и выслано до 10 ноября до 600 с лишним человек. Свыше 70 арестованы и сидят в Вильне и Вилейке. В ночь на 5 ноября в самой Вильне тоже были обыски и аресты; взято 16 человек, преимущественно рабочих, сидят в 14 номере.

Но, кроме мер строгости, г. Валь, очевидно, имеет в своем преис-куранте также и «начальственные увещания». Созваны были на-днях еврейские раввины и представители еврейского купечества и предпринимательского общества. Валь начал с того, что лучше сора из избы не выметать, возникшую в своей среде смуту подавить самим, не заставляя правительственную власть вмешиваться и прибегнуть к репрессиям, тяжело отзывающимся на всем еврействе. С социализмом должно бороться приобретением влияния на молодежь, распространением вновь религиозности и проч., и проч. Это говорило тем самым людям, которые незадолго до этого хлопотали в жандармском управлении в Вильне о введении военного положения, которые на этих же днях выкликали у Валя расквартирование в новом городе казаков, начавших уже свои бесчинства. Виленский социал-демократический Комитет выпустил на русском языке печатный «Ответ виленскому губернатору», бичующий «холопские традиции еврейской буржуазии» и зовущий рабочих, которые за 10—15 лет превратились из тихих, забытых еврейчиков в сознательных пролетариев-борцов, к неумолимой борьбе рука об руку с русским польским, литовским и латышским пролетариатом за свержение русского самодержавия.

К числу возложенных на фон-Валя многотрудных обязанностей относится также борьба с «польской крамолой». И тут Валь с первого дня начал «искоренять». Проехав по Георгиевскому проспекту и увидев, что на каком-то строящемся доме поставлен бюст Яна Собесского, он велел немедленно его убрать. Будучи в дворянском клубе и услышав польский разговор, Валь потребовал заведующего и спросил у него объяснений, всегда ли там так говорят? Тот ответил, что как кому угодно, так тот и говорит. А как говорит прислуга? — На каком языке говорят с ней, на таком и она отвечает. — «Чтобы этого больше не было. Если прислуга будет говорить по-польски, я закрою клуб». Но этого мало: Валь счел нужным бороться не только с поляками, но и с... малороссами. Приехал сюда Суслон с малорусской труппой, гастролировавшей здесь все лето. Валь не разрешил ему спектаклей. Суслону пришлось ехать к министру, и удалось выхлопотать разрешение лишь на шесть спектаклей.

В своей вышеупомянутой речи чиновникам Валь распространялся о необходимости «нравственных начал и справедливости» для представителей власти. Не знаем, как понимал нравственность и справедливость г. Валь, прославившийся своими дикими выходками в бытность курским и витебским губернатором и петербургским градоначальником, но странно понимает он их теперь. На-днях едут на извозчике двое почтовых чиновников, встречается им Валь и останавливает их. — Почему вы не сделали фронта? — Потому что от делания фронта освобождаются едущие верхом, на извозчиках и проч. — А почему вы не поклонились? — Потому, что мы с вами не знакомы; мы вам не представлялись...

На другой день по настоянию фон-Валя оба чиновника были уволены в отставку.

Нравственность же понимается ближайшим помощником Валя, вице-губернатором Баянским, довольно оригинально. Является он недели две назад в одно из самых значных мест Вильны — ресторан и кафэ-шантан Шумана. Спрашивает, кто заведывает «женской» частью. Приходит заведующий, и Баянский заявляет ему след.: «Знайте, что вы от меня зависите. Хочу — вы существуете, захочу — закрою ваше заведение»... и заказывает ужин с винами, закусками и проч. Этого мало, г. Баянский стал весьма недвусмысленно намекать на необходимость взятки деньгами и натурой. Но ресторатор оказался неподатливым и заявил, что не боится его, так как ни от кого, кроме как от губернского правления, по закону не зависит.

Валь привез с собой из Спб. некоего Станкевича, который остановился на Вокзальной улице в гост. «Дагмара». Этот Станкевич посетил несколько фабрик и мастерских, отрекомендовался и потребовал, согласно распоряжению Валя, чтобы при возникновении стачек, волнений и т. п. ему немедленно давали знать. В некоторых мастерских он забрал все рабочие книжки.

СТОЛЕТИЕ РУССКОГО ШТЫКА В ГРУЗИИ.

Еще за год до окончания столетия присоединения Грузии к России, грузинское дворянство в лице заслуженных генералов-грузин возбудило вопрос о чествовании такого, по их мнению, важного и радостного события. Решено было на нескольких заседаниях, посвященных выработке программы чествования, устроить трехдневные празднества в г. Тифлисе, угостить стоящие в Тифлисе войска (их к юбилею собралось несметное количество) вином и закуской, иллюминировать город и окрестности, устроить триумфальные арки, пригласить предводителей дворянства внутренних губерний России и министров, а также учредить на счет Грузии стипендии в кадетских корпусах для детей грузин. Конечно, небольшая сознательная часть грузинского дворянства, присутствовавшая на этих заседаниях, относилась с затаенным отвращением к подобному способу чествования присоединения Грузии к России, но, не имея возможности выразить свое недовольство, ограничилась молчанием.

Наконец, настали 26, 27 и 28 сентября — дни торжеств. Николай, запуганный донесением фельдфебеля старого эскадра кн. Голицына, что за кавказцев он не ручается, прислал вместо себя своего дядюшку Михаила, с которым приехала греческая королева, его и ее дети. Местная жандармерия и полиция, отлично зная, насколько сочувственно относится большая часть грузин и армян к этим торжествам, и желая показать Михаилу все в розовом свете, объявила, что 26, 27 и 28 сентября должны праздновать все, надеясь, таким образом, достигнуть большего скопления толпы на улицах; кроме того, приказано было собраться в Тифлисе всем сельским старшинам. Несколько молодых пшютюв-князей грузин, заложивши или продавши последние клочки земли, раздели себя и своих коней в золото и бархат и составили почетный караул. Нужно было видеть, с каким нескрываемым отвращением публика, особенно армяне, относилась к их гарцованию на улицах. «Угодники» городского муниципалитета сообразили устроить триумфальные арки, одна из которых на главной улице изображала с одной стороны бравую выглядящую русскую крепость, а

с другой—разрушенную грузинскую башню: это было выражение низкопоклоннических чувств.

К полудню 26 сентября улицы, по которым должны были проехать гости, были переполнены народом, но добрую половину его составляли войска, городовые и учащиеся, расставленные шпалерами. Долгое томительное ожидание раздражается то там, то сям смехом и остротами. К триумфальной арке второпях прибывают последние финтифлюшки, как вдруг под'езжает конный и объявляет: «едут». Работа моментально брошена, войска вытягиваются в струнку, ученики лениво занимают свои места, толпа колышется, головы вытягиваются вперед и видят: летит, стоя на фазтоне, полицмейстер, неистово размахивая руками и требуя знаками, чтобы народ кричал «ура». Но народ молчит. Мало того: кто-то свистнул, другой, третий и — общий свист огласил воздух. Гости в недоумении, не зная, отвечать поклонами на подобное приветствие или нет. Если кто кричал ура, так только солдаты и полиция. И такая восторженная встреча продолжалась все три дня.

В первый день, 26-го, по городу разнесся слух, что 27-го будет объявлена радостная весть для туземного населения. Дворяне ожидали великих благ для своего сословия, крестьяне — сложения недоимок и облегчения податей, малосознательная часть интеллигенции — открытия одного из высших учебных заведений, а рабочие классы, конечно, ничего не ожидали. «Радостная весть», объявленная 27-го, заключала в себе явную насмешку над грузинами, так как, кроме самых незначительных облегчений и грошовых подарков грузинскому дворянству, ничего в ней не было.

Грузинская либеральная интеллигенция, как и следовало ожидать, решила выразить свой протест так: не выходить из дому в дни торжеств и выпустить прокламацию, обращенную без различия ко всем грузинам, что и было исполнено. Прокламация, написанная очень слабо, содержала в себе общие места о том, что грузины притеснены русским правительством и т. п. Вся прокламация была на узко-патриотические чувства и никакого впечатления не произвела.

Совершенно другим и гораздо более энергичным характером отличался протест, выраженный местной рабочей организацией. Первая прокламация, выпущенная рабочими на грузинском языке, заключала в себе краткую историю присоединения Грузии к России, характеристику русского царизма и плодов его управления на Кавказе и обращение к рабочим с призывом сплотиться для свержения позорного ига царизма. По одному экземпляру этой прокламации было разослано всем, начиная с Миханла (бывшего тогда в Боржоме), высокопоставленным особам, во все общественные учреждения. Прокламации были расклеены в вагонах железных дорог, на дверях учебных заведений и разбрасываемые в народе. Эта прокламация вышла около 23 сентября. 26 сентября была выпущена краткая, но сильная прокламация на русском языке в форме диалога между Николаем II и грузинским дворянством, где последнее обнадевает царя, что оно — его верный слуга и если случаются такие неприятные явления в Грузии, как 22 апреля, так это дело рабочих, а дворяне тут не при чем. Эти прокламации были разбросаны в лагере, стоящем близ рабочего квартала, в громадном количестве, а также распространены среди народа. Но самое важное было то, что местная рабочая организация ознаменовала столетие выпуска в свет первого революционного грузинского периодического издания, под названием «Борьба». Орган этот предполагается выпускать по мере накопления материала в виде фактов из борьбы местной рабочей организации с буржуазией и жандармерией. Первый номер заключал в себе несколько статей принципиального характера, прокламации и хрон. стачек на Кавказе (особенно в Тифлисе).

Интересно было, как переменяла фронт грузинская либеральная интеллигенция после объявления манифеста о даровании грузинскому дворянству жалких крох со стола Николая II. После обнародования этого манифеста она выпустила другую прокламацию, где тон был совершенно изменен и обращение ко всем грузинам исчезло.

До юбилея жандармерия произвела настоящую облаву и всех когда-нибудь бывших под надзором сторожила, чтобы они не вышли из дому. Арестовали рабочих Гагуа

и Джигладзе и интеллигентов Каландарашвили и Цулукидзе. Помимо арестованных 22 апреля 41 чел. рабочих (в том числе несколько студентов), еще раньше были арестованы Джигладзе, братья Каландарашвили (интеллигенты), рабочий Гоглидзе и несколько других рабочих. Арестовали и через две недели выпустили интеллигента Махарадзе, который в настоящее время снова арестован. Арестовали летом Жордания. Обыски не прекращаются, штат шпионов сильно увеличен. Учрежденная с 4 сентября усиленная охрана пока ничего нового не принесла, так как гнет всегда был, и до охраны и после. Усиленная охрана это просто — пыль в глаза для простаков.

Псковские земцы в заботах о псковских крестьянах. Псковское уездное земское собрание недавно решило хлопотать перед правительством о воспрещении крестьянам переселения в Сибирь. Оно находит, что переселения «крайне нежелательны в интересах экономического благосостояния уезда» и признало «необходимым принятие энергичных мер борьбы с этим крупным явлением местной хозяйственной жизни», иначе говоря, высказалось за «энергичные меры борьбы» с непокорными крестьянами, убегающими в Сибирь от привольной жизни в Псковском уезде.

Да, от привольной! По крайней мере, так полагают земцы. Они считают, что «переселение... представляется в общем необоснованным и не вызываемым действительной потребностью». Но мужики, надо думать, считают, что их переселения вызываются «действительной потребностью», ибо иначе зачем бы они стали переселяться? Гласный из крестьян, печерский старшина, заявил, что переселения объясняются плохим качеством крестьянской земли. Но псковские земцы думают, что они лучше знают «действительные потребности» крестьян, чем сами крестьяне. Псковские земцы находят, что мужику и дома хорошо. Если земли у него мало, то, ведь, «при обилии пустопорожних земель и невысокой арендной плате за землю пользование земельными угодьями для занятия сельским хозяйством является для крестьянства в достаточной мере обеспеченным».

Далее, и в отношении заработков «крестьяне Псковского уезда находятся в достаточно благоприятных условиях, так как самое расположение уезда на нескольких железнодорожных линиях и близость к столь крупным рабочим рынкам, как Петербург и Рига, гарантируют крестьянству выгодные работы, а нахождение в пределах уезда Псковского озера и значительных по размерам алеобастровых ломок наряду с существованием разных кустарных производств из местных лесных материалов и глины доставляют населению обильные и прибыльные заработки чисто местного характера».

Бедный мужичек бежит в Сибирь под влиянием ложных слухов, распускаемых «злонамеренными лицами». А в Сибири ему грозят новые бедствия. «Приспособление к новым условиям жизни при переходе из климата с морским характером в климат резко континентальный, из своеобразных почвенных условий оказывается непосильным для малоподвижного и неразвитого населения Псковской губ. Поэтому для блага мужика воспретить ему двигаться с места и ходатайствовать о принятии в интересах населения экстренных мер к временному прекращению переселенческого движения».

Такими-то пошло-лицемерными речами о «пользе» мужика псковские земцы прикрывают свою боязнь потери той дешевой рабочей силы, которая им доставляется крестьянами, не могущими прокормиться со своего надела! Крестьянин бежит от «прадедовской» земли, надеясь стать в Сибири «заправским» хозяином, а его удерживают, увещывая, что он должен во веки оставаться полу-хозяином, полу-наемником, что он должен быть прикреплён к тем «пустопорожним землям» гг. помещиков, к тем каменоломням и местным промыслам, в которых к его труду уже присосалась целая туча пьявок-кулаков.

Земства созданы для заботы о «местных нуждах и пользах». Изгнав из земства положением 1890 г. выборных от крестьян, правительство стремилось превратить земство в учреждение, заботящееся о «нуждах и пользах» местных помещиков. И земцы, следуя желаниям правительства, под

флагом «интересов населения», проводят самые крепостнические затеи. Но такой политикой земство само роет себе могилу. В настоящее время правительство готовится к новому походу против земского самоуправления. В борьбе против самодержавного самодурства земство сможет отстаивать свои права лишь в том случае, если в глазах широких слоев населения будет представлять не одни классовые интересы помещиков, но и некоторые общенародные интересы. Превращаясь в орган грубо-классовой политики крепостников-помещиков, земство лишается всякого сочувствия со стороны непривилегированных классов, его борьба против правительства теряет всякое общенародное значение. Если в «интересах населения» земство будет хлопотать об усилении полицейского произвола царизма над населением, то это последнее с полным равнодушием будет присутствовать при той расправе, которую произведут над земством гг. Витте и Сипягины, и эту расправу, поверьте, гг. псковские земцы! — министры царя сумеют также совершить под предлогом... «интересов населения».

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Стачка портных в Киеве (из матер. Летуч. Л. № 3).

4 ноября в Киеве началась стачка портных, работающих в мелких портняжных мастерских, главным образом, на Крещатике и на Подоле. Условия работы в этих мастерских до крайности тяжелы, и можно только удивляться, что рабочие могли мириться с ними до сих пор. Пользуясь тем, что в большинстве мастерских работает чел. 3—4 и лишь в более крупных — чел. 6—8 и что, след., рабочие, в виду их малочисленности, не могут поставить серьезных препятствий кулаческой деятельности владельцев, хозяева эксплуатируют своих рабочих самым безжалостным образом. Работы производились с раннего утра до поздней ночи, работали по 18 час. в сутки за самое ничтожное вознаграждение. В последнее время, однако, среди портных началось брожение, закончившееся стачкой: сначала оставлены были работы лишь в нескольких мастерских, но уже к вечеру первого дня стачки число стачечников значительно увеличилось, а на третий день дошло до 300 чел. Работы были оставлены приблизительно в 60 мастерских. Требования рабочих сводились к уменьшению рабочего дня до 12 час. и к увеличению заработной платы на 50%. К работающим в мастерских примкнули даже некоторые из портных, берущих работу сдельно на дом, и потребовали увеличения почасной платы. Некоторые из более благоразумных хозяев решили пойти на уступки уже в первые дни стачки, большая же часть не соглашалась удовлетворить требования рабочих. В конце концов, однако, большинство хозяев уступило, удовлетворив, хотя и не полностью, выставленные требования (так, между прочим, хозяева согласились лишь на 13-часовой рабочий день). Чрезвычайно интересным результатом стачки является то обстоятельство, что многие из хозяев, хотя и крайне неохотно, выдали своим рабочим домашние условия, в которых точно обозначены часы начала и окончания работы, чего до сих пор в мелких мастерских не бывало. Несмотря на крайний недостаток в средствах, забастовка тянулась более недели. За время стачки несколько (чел. 15) рабочих были арестованы; в настоящее время часть арестованных уже выпущена. Чел. 40 рабочих были рассчитаны хозяевами. Стачка в данное время уже окончилась. Были прокламации: на русском языке (Комитета) и на еврейском (изданная группой портных).

Стачка на черкасском сахаро-рафинадном заводе. Насколько верно, что «идеи с ветром носят», доказывает стачка на сахаро-рафинадном заводе, расположенном около г. Черкас (Киевской губ.). «Посторонних влияний» не мог обнаружить даже посланный из

Киева с специальной целью раскрытия «корней и нитей» жандарм (кажется, г. Беклемишев), а между тем, рабочие выставили требование, которое стало уже одним из лозунгов всемирного рабочего движения, — они потребовали 8-часового рабочего дня.

В средних числах октября была стачка на Смелянском заводе графов Бобринских, а 2 ноября стачка вспыхнула на Черкасском заводе. Этот завод построен всего лишь месяца два, при чем имелось в виду возможно скорее начать работы на заводе и вовсе не имелись в виду даже самые элементарные удобства рабочих. Дело началось с того, что часть рабочих отказалась 2 ноября работать на прежних условиях и потребовала введения 8-часового рабочего дня, так как при двух сменах в сутки они слишком истощаются, а также вежливого обращения с рабочими со стороны администрации и служащих. Требования эти, как нам достоверно известно, выставлены были рабочими совершенно самостоятельно, без всякой агитации со стороны «разных социалистов», как говорит директор завода, инженер-технолог Олтаржевский, которому инженерское звание не мешает быть человеком полуинтеллигентным. Узнав об отказе от работ, Олтаржевский послал к рабочим своего помощника, а потом явился в казармы для переговоров собственной персоной. Кричал, ругал, угрожавал, но толку не вышло никакого: рабочие крепко стояли на своем. На следующий день забастовали почти все рабочие (ок. 500 чел.). Явился фабричный инспектор Пархоменко. Он попробовал было действовать криком, но сразу же осекся, увидев себя окруженным толпою из нескольких сот рабочих. Рабочие предъявили следующие требования: уменьшение рабочего дня до 8 час., увеличение заработной платы, уменьшение количества вывариваемых аппаратов с 11 до 8 в смену, увеличение числа рабочих в некоторых отделениях, где работа наиболее тяжела, и т. д. Г. Пархоменко попробовал действовать «из-под политики» и начал убеждать рабочих начать работы, а потом-де он «все разберет». Но хитрость не удалась: рабочие стояли на своем. 3 ноября на заводе работало всего 16 человек.

Но и полиция не дремала. Еще 2 ноября исправник, появившийся на заводе, приказал арестовать одного рабочего. Но товарищи отбили его, при чем влетело и полицейскому надзирателю, арестовавшему рабочего вместе с сотскими. Полиция удвоила «строгости», исправник кричал и ругался, как извозчик, — в конце концов администрация добилась совокупными усилиями того, что рабочие, что называется, озверели и начали буйствовать: перебили окна в квартирах служащих, выгнали исправника, который сунулся было в казармы «убеждать» рабочих, а затем начали поговаривать даже, что недурно было бы разрушить и самый завод. Вызвав беспорядки, исправник струсил за свою шкуру и телеграфировал губернатору, что на заводе «бунт», для усмирения которого и требуется вооруженная сила. Войска были высланы и явились 4 ноября, когда озлобленные наглым поведением полиции рабочие направлялись с криками к заводу. Безоружные рабочие были разогнаны по казармам, а затем началась расправа... Из 500 чел. потребовали расчета 150. Их выпускали по одиночке в контору, а оттуда в цепь из солдат. Паспортов им не выдали, а сделали на них отметку красными чернилами, что они не имеют права выезда из своей губернии и вообще не могут быть приняты ни на какой завод. Затем их под военным конвоем отдельным пароходом отправили в Могилевскую и Смоленскую губ. 30 чел. взято в тюрьму.

Но оставшиеся на заводе твердо помнят то, чего требовали их товарищи: увеличение заработной платы и уменьшение рабочего дня до 8 час. Дело передано теперь судебному следователю. На завод приезжал даже сам прокурор Киевского окружного суда Цомш и разыскивал вместе с жандармами — «преступную пропаганду», но таковой не оказалось...

Как живут московские булочники и кондитеры? (Письмо из Москвы.)

На фаб. Э й нем берут обыкновенно пришлых раб., прямо из деревни — мужчин и женщин. Рабочих, которые бы учились с малолетства, мало. На первый год кладут жалованье 6—7 руб. в месяц и на всем хозяйском, исклю-

чая стирки и бани. Девушки получают 40 коп. на всем на своем. Работа продолжается с 7 утра до 7 вечера, с перерывом на один час на обед. Много штрафов и вычетов за курение в мастерской, за опаздывание и прогул. Управляющие-немцы очень грубы. На фабрику предпочитают брать женщин, как народ более сговорчивый; в дренажном отделении, напр., на одного мастера приходится 25 девушек. Сильно развита специализация труда, каждый все время исполняет только одну небольшую часть работы, а потому труднее отыскивать работу при потере места, что, в свою очередь, заставляет больше дорожить местом и ради этого переносить оскорбления.

Фабр. Филиппова. Положение так наз. мальчиков или, точнее, подростков старше 16 лет — прямо ужасное. Получают они 5 руб. на хозяйских харчах и квартире. Спальни помещаются в верхнем этаже, в помещении без вентиляции, где ночует до 300 чел., и температура очень высока. Койки стоят очень тесно, воздух душный, и если войти с улицы, то просто задыхаешься. Спит еловальку по 3—4 чел. на двух койках. Обращение мастеров грубое, бьют чем попало по лицу со всего размаха. На фабрике работают день и ночь, двумя сменами: дневная 11½ час., ночная, по правилам, должна работать 10 час., а против правил и без всякой доплаты работает 10½ час. Подростки работают с 12 час. ночи до 12 ч. дня, и так за 13—14 ч. непрерывного труда получают 5 руб. с придачей тухлой говядины и кулачной и палочной расправы. Взрослые рабочие получают очень низкую плату, которая доходит иногда до 9 р. Девушки-конфетчицы в том же положении: мастера и с ними обращаются грубо и бьют по щекам. Работниц обыскивает сторож-мужчина. Управляющие произвольно рассчитывают рабочих из вражды друг к другу, когда, напр., один наймет без спроса другого. По окончании работы заставляют иногда разносить хлеб.

Фабрика Реноме. Девушки старше 16 лет получают 30—45 коп. на своих харчах и квартире. Обращаются с работниками и работницами крайне грубо. По окончании работ девушки обыскиваются сторожами-татарами, которые особенно усердно их обыскивают и позволяют по отношению к ним всевозможные грубые выходки. Обыск у ворот наглядно показывает полное их бесправие; этот обыск — просто наглое надругательство над их честью и совершенно излишен, так как еще ранее при выходе из мастерской они обыскиваются «мамой». Приказчики обыкновенно соблазняют молоденьких обещанием более легкой и выгодной работы. — «Мальчики» 16—21 года получают 11—12 руб. на своих харчах и квартире. Взрослые умелые рабочие получают 13—25 р.: за прогул вычитают за работок и, кроме того, штрафуют. Обращаются приказчики скверно, а в шоколадном отделении мастер Боярский не задумываясь, пускает в ход кулачную расправу.

На фабр. С. Сиу и К^о порядки тоже несколько не лучше. Та же низкая плата, те же возмутительные обыски и проч.

На фабр. Филиппова распространены фабр. правила; правила эти вводят только более строгие штрафы за прогулы и опаздывание. Закон 2 июня 1897 г., поскольку он теперь вводится в булочных, не имеет и не может иметь для рабочего никакого значения, так как он сведен к нулю циркуляром министра Витте (от 5 января 1898 г. за № 219). На основании этого циркуляра, хлебопекарни и булочные по отношению к праздничному отдыху и продолжительности рабочего времени могут быть подчинены правилам о непрерывных работах, при чем для означенных заведений может быть допущено неограниченное число сверхурочных часов в год.

§ 13 закона обязывает давать при неправильных производствах отдых рабочим в 24 часа три раза в месяц при 8-часовой работе; 4 раза при работе более 8 ч. Но циркуляр от 24 февраля 1898 г. за № 5107 гласит: вследствие затруднительности его соблюдения при некоторых непрерывных работах, правило о предоставлении рабочим определенного числа свободных суток в тех заведениях, где установлена 8-час. трехкомплектная работа, необязательно.

Итак, закон отменен циркуляром министра!! Не пора ли булочникам и кондитерам самим составить свои «циркуляры» для хозяев и для правительства?

Орехово-Зуево. Фабрика Саввы Морозова. Какие безобразия делаются на наших фабриках, — показывает описываемый нашим корреспондентом случай подделки рабочих расчетных книжек. Один ткач просил мастера Горбунова (в отсутствие заведующего Гусева) перевести его больную жену на другую пару станков, так как ей не под силу было работать на двухаршинном станке. Горбунов не только не исполнил его просьбы, но прогнал с фабрики и ткача и его жену, при чем последнюю толкнул так сильно, что она слезла в больницу, и доктор опасался преждевременных родов. Ткач ходил к фабричному инспектору, но тот отказался его защитить. Расчет же рабочему предложили получить через пристава. И вот пристав выдал ткачу две расчетные книжки: на его имя и на имя его жены. Удивленный ткач отказался получить деньги, ибо настоящие расчетные книжки находились у него. Пристав попросил у ткача его книжки, но ткач, разумеется, отказался их выдать, хотя пристав и заявлял, что отправит книжки жандармскому ротмистру — он-де не похвалит за подделку книжек! Получив от пристава фальшивые книжки, ротмистр пригласил фабричного инспектора и Гусева. Но Гусев сказал, что он был в отъезде, а фабричный инспектор самым бесстыдным и наглым образом отрекся, говоря, что ткач к нему не обращался. Затем в конторе ткача тоже упрашивали выдать старые книжки и даже обещали ему денег за окончание дела миром, но ткач не согласился. После этого ткач принужден был уехать домой в деревню, и ему никто не помог, хотя на словах сулили помочь и Гусев, и пристав, и ротмистр. Ротмистр особенно старается войти в доверие к рабочим, но это ему не удается. «Все мы, развитые рабочие, не верим ротмистру, потому что кто желает добра и защиты рабочим, тот не будет затыкать преступные приемы фабричной администрации, не будет смотреть сквозь пальцы на всевозможные злоупотребления. Да и не может быть, чтобы истинный защитник рабочих согласился быть жандармским офицером». «Одно несомненно, — заканчивают свое сообщение орехово-зуевцы, — что Горбунов и другие остались безнаказанными и, след., будут продолжать делать разные фальшивые документы во вред рабочим».

30 октября в Зуеве у уборщика Агафонова в его отсутствие был произведен обыск. Явившись в четверг 1 ноября домой, он был арестован. Отсутствовал же он, как удалось узнать, по случаю отбытия воинской повинности.

После ареста Агафонова ореховский пристав так выразился: «Нам теперь ничего не нужно, теперь весь Петербург узнает, что тут идет агитация». Хотел ли он этим сказать, что они открыли Америку, или то, что ему накинута лишняя чин? Или то, что вот теперь-то придет из Петербурга ловкие жандармы и вырвут с корнем агитацию? Не знаем, потому что трудно было понять езоповский язык пристава. Да и откуда узнал пристав, что идет агитация? Мы вполне надеемся, что взять что-либо у Агафонова им не удалось по той простой причине, что там ничего не могло быть. А впрочем, может, он (Агафонов) кое-что и нашел, как это и было с некоторыми.

Орехово-Богородская организация.

В Витебске. 24 ноября, в субботу, была манифестация 700 рабочих по поводу отправки ссыльных рабочих в Сибирь. В Двинске были также две манифестации. Одна на похоронах одного приказчика, а другая — при высылке рекрутов, в числе которых были многие организованные. На одной из них был арестован 15-летний мальчик, которого высекли в части. Была также здесь разбросана печатная прокламация к рабочим и работницам фабрики Закса (спичечной). В прокламации описываются тяжелые условия труда (15—16-часовой рабочий день, грошевая плата, особенно девушек, разрушающая здоровье работа, грубость управляющего и т. д.) и рабочие приглашаются требовать 12-часового рабочего дня и повышения расценки. В Сморгони, говорят, арестовано 200 чел., которых также били.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ГЕРМАНИЯ.

6 ноября (24 октября по старому стилю) в Берлине происходили выборы в городскую думу. Избирателям третьего класса (обнимающего наименее состоятельную часть плателщиков налогов) предстояло избрать 16 гласных (городская дума обновляется по частям). Выборы приобрели большой политический интерес в виду событий, разгравшихся в городской думе за последние месяцы. Большинство в думе до сих пор составляли либералы (свободолюбивые); благодаря тому, что при городских выборах рабочие не пользуются всеобщим и равным правом голоса, социал-демократы имели всего 22 представителей в думе. Либеральное большинство почти постоянно находится в натянутых отношениях с правительством и, в частности, с императором Вильгельмом. Проникнутый до мозга костей всенно-аристократической кичливостью, император не может спокойно перенести, что в «его» столице хозяйничают представители свободомыслящей буржуазии. И хотя либералы делают все возможное, чтобы угодить императору, и не пропускают ни одного случая, чтобы не подчеркнуть свою «верноподданническую» благонадежность, хотя они и пресмыкаются перед «верховой властью» по добромому обычаю буржуазных либералов всего мира, тем не менее император всегда испытывает потребность задираТЬ берлинскую думу, пользуясь предоставленным ему конституцией правом не утверждать то или другое постановление выборных берлинского населения. Так, Вильгельм II в свое время не утвердил постановления думы о постановке памятника на могилах павших в 1848 г. борцов революции. И берлинская дума во всех таких столкновениях проявляла самую постыдную трусость. Храбрые на словах либералы при всякой враждебной выходке императора тотчас же сдавались и оставляли без протеста распоряжения Вильгельма, не всегда согласовавшиеся с законом. В последнее время Вильгельм опять бросил вызов думским либералам, не утвердив избранного ими в звание бургомистра Кауфмана за то только, что он очень давно выдвинулся в борьбе с правительством и был за это уволен из военной службы по настоянию «верноподданных» офицеров. Дума осмелилась выбрать Кауфмана вторично, правительство объявило выбор незаконным. Либералы опять потеряли мужество и хотя и обжаловали в законном порядке распоряжение правительства, но уже в их речах послышалась нотка о том, что необходимо считаться с волей государя, что надо держаться в пределах почтения к верховной власти и т. п. Еще постыднее вели себя либералы, когда Вильгельм, на этот раз уже совершенно противозаконно, потребовал переделки плана одного сооружаемого думой фонтана. Предложение социал-демократов, чтобы дума отстаивала свои права, не было принято.

Во всех этих столкновениях между думой и правительством социал-демократы всегда отстаивали точку зрения полной свободы городского самоуправления и резко критиковали тактику буржуазных либералов, которые приносят интересы населения в жертву самовластным притязаниям правительства. С этим же паролем явились социал-демократы и на нынешних выборах, приглашая избирателей протестовать против бесхарактерной дряблости либералов. И избиратели последовали призыву социал-демократов. Из числа 16 округов, в которых происходили выборы, социал-демократы избраны в 13, тогда как либералы всего в 3 округах. До сих пор эти округа были представлены всего 7 социал-демократами, 8 либералами и одним анти-семитом. Таким образом, социал-демократы выиграли 6 мест. Теперь в городской думе будет 28 соц.-дем.

Берлинское население показало своим голосованием 6 ноября, что оно всецело стоит на стороне социал-демократии, как единственной честной защитницы прав населения в борьбе с правительственным произволом. Громадный рост числа поданных за партию голосов заставляет предполагать, что за социал-демократов голосовали многие, не вполне согласные с их программой, но считающие нужным их поддерживать, как единственно-надежных предста-

вителей городских интересов. Так, рабочая партия постепенно становится общепризнанным политическим вождем всего народа, вождем, которому различные слои населения, не всегда сознающие вполне ясно ее программу, поручают представительство своих интересов. Так, через посредство своей социал-демократической партии рабочий класс в Германии становится той политической силой, на которую возлагают все свои надежды те, кто недоволен нынешним хозяйничаньем в государстве буржуазии и дворянства. И только став таким политическим центром для всех недовольных существующим строем, рабочий класс может рассчитывать в недалеком будущем перенять в свои руки государственную власть, ускользающую из рук нынешних «высших классов», утративших всякую способность пользоваться этой властью в интересах большинства народа.

В борьбе за свободу, где бы она ни попиралась, социал-демократия быстро усиливает свое политическое влияние, чтобы его использовать в интересах классовой борьбы пролетариата с ее конечной целью — торжеством социализма.

ИЗ ПАРТИИ

Один из наших представителей просит нас поместить следующее воззвание:

Внимание революционеров!

В последнее время стало вновь известно несколько печальных случаев, когда обыски и аресты были вызваны непростительной оплошностью революционеров или лиц, сочувствующих революционной деятельности. «К нам приехал какой-то, очень интересный господин, благодаря ему у нас заметно оживление, появились кружки, литература...» или «У нас, к сожалению, никого нет, все интересные люди раз'ехали, такой-то туда-то, такой-то туда-то» и т. п. Как часто приходится читать подобные письма и как часто такие письма попадают в руки жандармов! По нашему мнению, в частной, не шифрованной переписке никто из революционеров и лиц, сочувствующих революционному движению, ничего не должен упоминать ни об именах, ни об адресах, ни о кружках, а только разве об общеизвестных событиях, как демонстрации, стачки и т. п.

Может быть, возразят, что трудно не писать близкому человеку о том, что тебя волнует в данную минуту, чем занимаешься, — но к чорту все сантиментальности! — Революционер порывает с семьей, отказывается от материального довольства, идет в тюрьму, в ссылку, можно же ради дела отказаться и от этой духовной потребности.

Далее, приходится констатировать тот печальный факт, что некоторые революционеры, посылая письма оказией или иным конспиративным путем, не считают нужным ничего шифровать. Между тем, такое письмо может затеряться или вообще как-нибудь попасть в руки жандармов. В России мы от этого никогда не гарантированы. Поэтому всякий революционер и сочувствующий революционному движению обязан, по нашему мнению, непременно шифровать адреса, имена и конспиративные поручения, каким бы путем письмо ни посылалось.

Не является ли это вообще скандальным явлением, что так часто при обысках находят конспиративные адреса? Неужели революционеры все еще считают возможным записывать у себя адреса иначе, как шифром? Для избежания таких оплошностей, нам кажется необходимым обязать каждого революционера никому не давать конспиративных адресов иначе, как под условием, чтобы тот или тут же выучил его наизусть или при нем же записал шифром. Царское правительство и так окружает нас целую сеть преград и ловушек, а потому мы ни на йоту не должны отступать от необходимых конспиративных предосторожностей. Пусть каждый революционер и сочувствующий революционной деятельности подумает, какую тяжелую нравственную ответственность он берет на свою совесть, если своею непростительной халатностью содействует расстройству революционных рядов, и без того на-

ходящихся под беспрестанным огнем царских башибузуков.

(Добавим, с своей стороны, что шифр — оружие обоюдострое, ибо жандармы легко сумеют раскрыть всякий шифр, если не применять при шифровании особых предосторожностей. Безусловно необходимо: 1) не отделять слова от слова; 2) не повторять часто одинаковых знаков, особенно знаков для наиболее употребительных букв; 3) писать шифр так, чтобы нельзя было узнать системы шифра; 4) не употреблять слишком известных стихотворений и книг. Без соблюдения этих правил шифр прямо-таки недопустим. Ред.).

Мы получили письмо «рабочих с юга», приветствующих усиление революционного направления в русской социал-демократии и поручающих нам передать их приветствие «заграничной лиге русской революционной социал-демократии». К сожалению, недостаток места не позволяет нам поместить это письмо целиком. Мы вполне согласны с авторами письма, что «прокламационный способ, который практикуется у нас в России для проведения революционных идей в широкую массу, не в состоянии воспитать массу политически сознательно», что «необходимо создать специальную литературу для политического воспитания русского пролетариата». Но едва ли практичен проект авторов письма издавать с этой целью популярные брошюры в 3—4 стр. и распространять их «одновременно по всей России». Мы думаем, что русский пролетариат вполне созрел уже и для такого рода литературы, каким пользуются все остальные классы, т. е. для газеты. Только политическая газета может действительно воспитывать массу политически сознательно и освещать, по выражению авторов письма, «всю нашу общественную жизнь, начиная с четвертого сословия и кончая крупной буржуазией». Только общерусская газета может, при условии активной поддержки ее всеми комитетами и местными кружками, распространяться более или менее «одновременно по всей России» и выходить настолько часто, чтобы заслуживать названия газеты. И только прочная постановка такого революционного органа ознаменует окончательный переход нашего движения «от стачечно-экономической борьбы к широкой революционной борьбе с русским самодержавным правительством».

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

Когда настоящий номер был уже совсем закончен, мы прочитали в наших газетах ряд сообщений из Спб., Риги, даже Могилева, даже Олонецкой губ., о повторении градоначальниками и губернаторами запрещения сходбищ и собраний. Правительство готовится! В г. Екатеринославе губернатор расклеивает 14 декабря объявление, что он «не остановится перед самыми крайними мерами» против «затеваемых (группой людей неблагонамеренных) на 15 и 16 дек. уличных демонстраций». Поблагодарим же правительство за оповещение всего населения о готовящейся демонстрации и не будем же отставать со своими собственными приготовлениями!

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Уфе были обыски у поднадзорных Леоновича и Поповой (Юлии). Были арестованы: Квятковский (поднадз.), Сазонов (студ.), Ахтямов (студ.). В Симском заводе аресто-

ваны студент горного института и двое рабочих. В настоящее время все арестованные выпущены.

В Нижнем числа 10—12 ноября арестован по приказу из Спб. бывший студент Томского политехникума Евгений Колосов. 3 декабря арестованы бывший студ. С. Корсак и бывший гимназ. Свердлов по подозрению в участии в демонстрации 7 ноября.

В Петербурге с 3 на 4 декабря были аресты. В числе арестованных называют студ. Никонова, Долгушенко (муж и жена, оба медики), Мандельштам, Рубинчик, Севрук и друг.

В тех же числах, по распоряжению из Спб., были обыски и аресты в Вильне и Ковне.

Около 13 ноября в Вятке были арестованы трое ссыльных, а перед этим были обыски у учащихся.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

З. Очень просим присылать корреспонденции такого же характера, как присланная. «Искра» задается целью освещать с соц.-демократической точки зрения все явления русской общественной жизни, а потому она заинтересована в получении корреспонденций не только из «пролетарской» жизни.

«Россия. Дзету». Письмо ваше напечатано в № 10. Статью (в сокращении) тоже постараемся поместить. Благодарим и просим сотрудничать. Дайте нам тем же путем знать, как доставлять вам «Искру».

2а3б. Почему от вас нет ни писем, ни корреспонденций? Ваше молчание очень тревожит нас.

За октябрь и ноябрь московским представителем получено: по мелочам 33 р. 75 к., из Нижнего 15 р., из Курска: 10 руб.

От Башкирки 200 руб., из Х. на специальную цель 50 р. из дальнего востока 35 р.

От Б. 75 фр., от старого социал-демократа 50 фр., через посредство Рудинкова из Б.—а 54 фр. 65 с. от Б. К. Ф., от Б.—ской гр. 45 фр. 35 с.

Из Дармштадта 140 м. 10 пф. (из них 44 марки по листку 8а), от парижской группы 395 и 250 фр., из Л. 12,50 фр., из Цюриха 30,70 фр., по листкам: 39а 8,35 ф., 36а 4 ф., 33а 3 ф., за литературу из Ц. 20,25 фр., Сч... 10 ф., лотерея 20,25 фр., от общ. раб. 4 ф., за лит. в Женеве 20 ф., от женевской группы 72,25, из Ц. 9,80, от сытого буржуа 40 ф., из Вены 10,50, по листку 1а 21,40 (21 шил.), за лит. в Жен. 15 ф., из Льежа 14,50 и 50 ф., по листку 26а 9 фр., из М. 200 мар.

В пользу обуховцев: из сибирской кассы 100 ф., в Женеве на вечере по поводу 25-летия казанской демонстрации собрано 58,35, по листку 33 22,50, первый сб. в Париже 127,30, в Берлине от Г. Р. И. 3 марки.

Вышло второе издание номера десятого «Искры», выпущенное нами (по просьбе товарищей) в другом формате и на более плотной бумаге.

Вышел отдельным изданием обвинительный акт по делу о майских беспорядках на Обуховском заводе (из № 9 «Искры») с приложением статьи: «Новое побоище» (из № 5 «Искры»). Цена 10 коп. (15 стр.).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Празднование 25-летнего юбилея революционной деятельности Плеханова (в связи с 25-летием демонстрации на Казанской площади в Петербурге), состоявшееся в Женеве в *café des Alpes*, было осуществлено не без колебаний со стороны почитателей Плеханова, так как многие ставили принципиальный вопрос, могут ли революционные социал-демократы подражать буржуазному обычаю праздновать юбилеи общественных деятелей. Но, повидимому, восторжествовало мнение об уместности празднования. Из этого празднования хотели, кажется, сделать удобный момент для политической пропаганды. Готовилась даже солидная брошюра для широкого обращения, в которой должны были найти себе место все произнесенные на юбилее речи. В искровском архиве, которым располагает Истпарт, сохранился черновой набросок предположенной к изданию, но не вышедшей в свет, брошюры. Из сохранившихся записей речей мы приведем здесь лишь ответную речь Плеханова в том виде, как она передана в архивном документе, дополнив только для удобства чтения недописанные концы некоторых слов, поставленные нами в прямые скобки.

Вот эта речь:

Плеханов.

«Я принадлежу к числу людей, которых много ругали в жизни. Лично я могу сказать об этих напаках то, что сказал Хома Брут: „Я знаю, что такое канчуки“; но привычка, господа, — великая вещь, и я научился спокойно относиться к напакам. Но сегодня я пришел на собрание, на котором меня не только не ругали, но так преувеличенно расхваливали, что я не знаю куда и деться.

«Сочувствие ближних необходимо каждому общественному деятелю, особенно сочувствие молодежи, так как всякому общ[ественному] деятелю приятно знать, что на его место станут молодые товарищи, которые будут продолжать его дело, когда его уже не будет в живых. Но, начав за здоровье, я не хочу кончать за упокой и прошу вас помнить, что (употребляя выражение Либкнехта), когда речь идет о революционере, — мне не 45 лет, а дважды 22½.

«На Каз[анской] площади кроме меня были сотни, и наказание, которое постигло многих из них, было необычайно по тогдашнему времени. Это значило, что правительство поняло, что агитация среди рабочих опаснее пропаганды. И так бывает всегда в России; молодые русские революционеры должны всегда повторять слова: „Печален будет мой конец“. Это должен помнить всякий русский революционер, но у нас есть другое, высшее счастье. Чувство гордости, презрения к врагам доставляет высшее удовлетворение, превращает всякого человека в титана.

«Вспомним у Гете слова Прометея к Зевсу:

„Ich dich ehren wofür!“... *

«С этими же словами мы обратимся к правительству Николая II.

«И когда люди вдохновляются такими идеями, то это уже составляет особое счастье.

«Обычное настроение легального рус[ского] деятеля — это неудовлетворенность прожитой жизнью. Но большинство рус[ских] революционеров скажут, что не жалеют о прожитом и о своей деятельности, и эта уверенность есть самая высшая награда. Исключение есть и среди нелегальных, но они только подтверждают правило: это слабые люди, неготовые к борьбе.

«За эту высшую награду рус[ским] революц[ионерам] стоит платить годами заключения и ссылки.

«Большинство рус[ских] революц[ионеров] стоит под знаменем соц.-дем[ократии]. Между ними есть разногласия, кот[орые] производят тяжелое впечатление, но не нужно преувеличивать отриц[ательного] зла этих разногласий. (Сцена из «Войны и мира» Малаша). Мы не должны, подобно Малаше, говорить: такой-то говорит хорошо, такой-то заикается и т. д. Такое отношение недостойно ни вас, ни предмета. Эти споры вызываются не личными отношениями. За неимением времени я не могу говорить подробно об этом. Скажу только, что везде среди соц.-дем. происходят споры, похожие на наши, что вызывается ростом соц.-демократии. Наши противники назыв[ают] это критицизмом. Число голосов, поданных за соц[иалистов] на последн[их] выборах во Франции, удвоилось в сравнении с выборами 1893 года. Рост соц.-демократии сопровождается не вполне ясным усвоением соц[иалистических] идей. Процесс приспособления социализма к предрассудкам радикалов окрещивается критицизмом. То же происходит и у нас. До 1894 г. легальная пропаганда марксизма не была возможна в России. Но вот основываются марксист-ские журналы, имевшие громадный успех и доставившие нам массу сторонников. Мы, старики, оказались в меньшинстве сравнительно с молодыми марксистами. Не сознавая этого, новички свое приспособление приняли за критицизм и под предлогом критики внесли смуту. (Анекдот о всаднике). Св. угодники оказали нам плохую услугу. Против этих смут единственное лекарство — усвоение теоретичес[ких] основных иде[й] социализма, — и тогда легко будет разобраться в вопросе.

«Только наука поможет разобраться в этом. Но нельзя остановиться на одной науке, надо обратиться к жизни и к практике. Союз науки и рабочих сделает все и сотрет все препятствия. И русскому царю придется учиться астрологии, чтобы узнать час своей близкой гибели».

* «Мне тебя почитать — за что!»...